

Олег СЛОБОДЧИКОВ

ДВОЙНОЙ КАРАМБОЛЬ

(ЧУДЕСА ЗА ТРЕТЬИМ ПЕРЕВАЛОМ)

повесть

Я думал, земля и годы давно прибрали несчастного калеку, но опять чуть не столкнулся с ним в людской толчее возле автовокзала. Это был коренастый обрубок человеческого тела, пристегнутый к тележке на шарикоподшипниках. Он хищно поглядывал снизу вверх на прохожих, нагло ватапутался среди их мокрых сапог и ботинок. Из распахнутого ворота рубахи торчала грязная синтетическая трубка. Калека все так же травил остаток своего тела никотином и алкоголем, время от времени прикладывая к ней дымящую сигарету. Но его жизнь, оплеванная и униженная, все еще цеплялась за свое последнее пристанище.

На коротких культях лежала замусоленная шапка с несколькими медяками. Лобастая голова на короткой шее, кажется, была все той же, разве слегка поседела. Тяжелая, как ступка, нижняя челюсть в щетине, стала острее и выдавалась вперед как штевень смоленной лодки. Последний раз мы виделись, когда я был тощим студентом. Но, поймав из-за чужих спин его цепкий взгляд, понял, что узнан вопреки всем законам природы, и покорно, как приговоренный, я шагнул навстречу.

В моих карманах не было и той мелочи, какую стыдно подавать даже возле церкви. Но глубоко запавшие глаза буравили, тяжелая челюсть выстукивала какое-то требование. Я уныло снял с себя исландский шарф. Он выхватил его из моих рук, развернул тележку и, размахивая белым пушистым комом, как знаменем, помчался вниз по заплечанной улице. Гулко и весело громыхали вращающиеся подшипники...

И опять всю ночь навязчиво повторялся один и тот же сон: скрежет тормозов и застопоренные колеса, размазывающие оплавленный металл по рельсам... Опять не помогали ни снотворное, ни транквилизаторы. Хмурое утро привело новый, трудный день. Я окатился ледяной водой, напился крепкого чая, отправился на работу пешком и все появился в клинике раньше всех.

...В кабинет вошли двое. Переступали порог робко и настороженно. Оба смущались, изображая в лицах напористость. С виду им было лет по пятнадцать. Новенькие обручальные кольца на руках — значит, по восемнадцать. Он — несуразный, как кузнечик длинноногий, и прыщавый. Она — бесформенная толстушка с поросычьей мордочкой.

Кузнечик вытер розовой ладошкой пот со лба, опасливо покосился на муляж женского живота в углу кабинета. Я загадал, что первой заговорит она, — ошибся. Заговорил он. Она же, глядя в одну точку, оттопырила мизинчик, потянулась к лицу и резко отдернула руку...

— Позавчера вот зарегистрировались... Свадьба была. И никак... Это самое... И сегодня тоже...

Мне захотелось выскочить из-за стола, выбить лбом дверь и никогда уже сюда не возвращаться. Но я старательно изобразил на лице заинтересованность, исподтишка бросил взгляд на часы — надо было проговорить хотя бы минут пятнадцать.

Кузнечик хорохорился перед молоденькой женой, хотел выглядеть мужчиной, но кошмар двух ночей тлел в его растерянных глазах. И этот страх вызвал во мне искреннее сочувствие.

— Так... Так!

Прошло минут пять.

— Так часто бывает, подождите недельку — пройдет!

Глаза у Кузнечика полезли на лоб, на угреватом лице стали выступать розовые пятна.

— Доктор?! — испуганно облизнул он сухие губы.

— Есть стимуляторы... Хотя не советую ими пользоваться в вашем возрасте. К тому же стопроцентной гарантии они не дают. Разве что иохимбин, — я вздохнул, чуть качнув головой, дескать, средство что надо. — Готовится из натурального сока черного африканского дерева.

Кузнечик вцепился в меня взглядом ребенка, ждущего праздничного чуда.

— Но достать его почти невозможно... Впрочем, — потянулся я к телефону, но, так и не подняв трубку, убрал руку. — Нет, вряд ли... Да и дорого это стоит.

— Доктор! — простонал Кузнечик.

Я снова положил руку на телефон, задумался, кто из друзей сейчас свободен. Набрал номер рентгенолога. Судя по времени, техники

должны обрабатывать пленку, возле аппарата мог быть мой однокурсник.

— Эдуард Калистратович?

— Это ты, старый развратник?! — проурчал в трубке насмешливый голос Володьки.

— Эдуард Калистратович, у меня к вам большая просьба... И личная тоже... Надо помочь молодым людям.

— Свисти, свисти! — проворчал рентгенолог и положил телефонную трубку на рабочий стол.

Я сел, поудобней развалившись в кресле, и стал привычно декламировать в пустоту:

— Да что вы говорите? Последняя ампула? И к тому же вы ее обещали... Зачем? Он может обойтись пантокрином.

Слышались шаги Володьки по кабинету, отдаленный разговор, его заигрывания с девушками-техниками.

— Ну а если через час за ампулой не придут, могли бы вы уступить ее молодым людям?

Я нажал на рычажки и посмотрел на часы — десять минут вытянул.

— Зайдите через час, может быть, и останется лекарство для вас. Готовьте пятьдесят рублей.

— Доктор, — всхлипнул Кузнечик. — Постарайтесь, за нами не заржавеет.

Он вскочил со стула, жена-невеста шариком шлепнулась на пол и засемила к двери. Через час, не успела закрыться дверь за очередным пациентом, в кабинет просунулась вытянутая физиономия молодожена.

— Заходи и снимай штаны! — поднялся я со стула. С хрустом взломал копеечную ампулу витамина, оттянул кожу на тощем заду и всадил иглу.

Движения Кузнечика стали плавными, испуганные глаза подернулись созерцательной дымкой. Он медленно застегнул пояс, выложил на стол зеленую кредитку и вздрогнул, радостно взглянув на меня:

— Кажется, уже! — пробормотал восторженно. — Действует африканский сок.

— Ну, тогда Бог помощь! — не сдержался я. Кузнечик скакнул через порог, скрылся за дверью. Я подошел к окну: блестел асфальт. Моросил холодный и туманный дождь, на улице было пасмурно. С парадного крыльца соскочил молодожен, засакал через лужи, сжимая руку возлюбленной. Она не поспевала, моталась сзади, семена на коротких ножках.

Следующей ночью часа четыре удалось поспать. Немного полегчало. Утром опять шел дождь. Я сбросил плащ в ординаторской, переоделся в свежий халат, а свой дурацкий накрахмаленный колпак сунул в карман. Возле двери кабинета уже маячил Кузнечик и скалился, как сверхсрочник перед генералом. Он заскочил следом за мной в кабинет, плотно притворив дверь, поставил на стол бумажный пакет с вылезшей из него коньячной головкой.

— Да что вы?! — возмутился я, натягивая на голову колпак. — Меня с работы уволят...

— От всей души, доктор, — забормотал Кузнечик. — Уже шесть раз и еще хочу... Путевое лекарство.

— Заберите немедленно...

Он свойски подмигнул и шмыгнул за дверь. Пакет с торчащим горлышком остался на столе. Я выругался, прикидывая, куда бы спрятать бутылку. Наклонил муляж и засунул ее в полость. И тут, сдержанно постучав, вошел Он. Это был не юнец, но в его прищуренных глазах мерцал знакомый, глубоко запрятанный страх. Я сел, подрагивающими от волнения пальцами открыл карточку — Варнаков. Похоже, это был тот самый пациент, кого я давно ждал в своем дурацком кабинете. Я метнул скользкий взгляд на его лицо, отметил ранние морщины у переносицы: даже в них было нечто темное, отчаянное, иступленное, как сама его фамилия.

* * *

Нет, он не стремился в двадцать один год обзавестись семьей. Здравый смысл, планы на будущее, мечты, — каждая клеточка мозга была против ранней женитьбы. Да и не имел он такой возможности повзрослому и трезвому рассуждению. Но пятилетняя неопределенность в отношениях с любимой девушкой — дипломницей филфака —

измучила. Он хотел, но не мог уйти первым. Из чувства собственного достоинства не мог попросить, чтобы она прогнала его. Но только она могла поставить жирную точку, положив конец глупостям или началу неразумной трудной жизни, в которой они всегда будут рядом. В любом контексте математический знак, к которому он стремился и которого больше всего боялся, имел ясный и четкий смысл. На преддипломной практике Варнаков решился окончательно выяснить отношения. Это решение пришло, вдруг, как-то сразу и захватило его, не давая ни о чем больше думать: сейчас или никогда!

Костя Варнаков бросился в общежитие — но не нашел, не дождался ее. Он пробежал полдня, прежде чем отыскал Ларису в Компотном районе у портнихи. Она весело взглянула на него, взъерошенного и взмочаленного, сделала чуть удивленные глаза, что ей чертовски шло.

Они вышли в весенний садик. Его нервное напряжение передалось девушке: ведь знала наверняка, зачем он ее разыскивал, но терпеливо ждала, не торопила, словно упивалась первой судьбоносной победой.

— Лариса! — как-то опечаленно и жалко начал Варнаков, но тут же устыдился невольной слабости и взял себя в руки. Голос его зазвучал самоуверенно, насмешливо: — Я не глуп и не дурён собой, передо мной тысяча дорог, и все перспективные, но, — он беспомощно развел руками, — как видишь, топчусь на одном месте, и все из-за тебя. — Костя придавил окурок и прикурил новую сигарету. — Меня такое положение не устраивает. Давай решим раз и навсегда: или ты выходишь за меня замуж, или мы расстаемся...

— Как это понимать! Ты мне делаешь предложение? — улыбнулась девушка, пытаясь перевести все в шутку. Костя резко оборвал ее:

— Я люблю тебя уже пять лет и ты об этом прекрасно осведомлена. Это, конечно, ни к чему не обязывает, и все же... Да или нет?

Лариса молчала.

— Э-э! Так не пойдет! — дернулся Варнаков. Глаза его были жестки. — Минута на размышление. Промолчишь, значит, нет!

В молчании прошло полторы минуты, затем две. Варнаков сник, обмяк, подобрел. Смирясь, поднялся, ласково накрыл рукой ее ладонь на яблонево́й ветке.

— Ладно, забудем этот день... Глупо. Но все равно — мне было с тобой хорошо все эти годы. И за то спасибо.

Он выскочил за калитку и, не дав девушке опомниться, зашагал к набережной, где много пьяных, где никому не было дела до его настроения, потому что явиться домой в таком виде не мог.

В понедельник утром, почти за час до начала рабочего дня, он шел по центральной улице города в «Вычислительный центр», с которым связывал не только преддипломную практику, но и будущую карьеру. Мимо проносились машины. Запахи выхлопных газов хлестали по лицу. Бледный, поникший, с похмельным гулом в голове Константин Варнаков озабоченно думал, что бы такое сказать начальнику, чтобы отпустил его, практиканта, домой.

— Варнак! — окликнули сзади.

Костя обернулся и увидел друга в дешевых застиранных джинсах, в выцветшей тенниске. Казалось, тот стоял с нимбом над лохматой головой, излучал силу, бодрость, здоровье. Улыбаясь, хлопнул его по плечу, протянул руку:

— В горы ходишь или уже бросил?

— Какие горы? — простонал Варнаков. — Диплом на носу.

Еще на первом курсе, чтобы не было проблем с зачетами по физвоспитанию, он записался в секцию альпинизма. Друг в то время был уже третьеразрядником. Все называли его Алтаем, он и представлялся так, потому что носил фамилию Алтайский. Мало кто помнил его имя, одно из самых банальных по тем временам. Потом у него была какая-то "история" — сняли разряд и значок. Но в горы он ходить не запретишь. Кое-кто из тех, с кем он начинал, уже загорали на международных альпинистских базах, а он месяцами пропадал поблизости от города.

И вот встреча. Алтай стоял рядом. Едва прошла зима, а у него уже были длинные, то ли выгоревшие до белизны, то ли обесцвеченные волосы, на лице здоровый шоколадный загар. Костю мутило после выпивки, а тут еще автомобили, ядовитый голубой дымок стелющийся по асфальту.

— Все шляешься? — спросил он с нескрываемой завистью. — Слышал, тебя часто встречают на Массиве одного... И не надоело?

— Не надоело! — тряхнул головой Алтай и добавил с искренним удивлением: — Кроме как на Массив, никуда больше не тянет, честно.

— Алташа, — простонал вдруг Варнаков, — возьми меня с собой.

— Могу предложить обалденный траверс, — обрадовался товарищ: наверно, он как раз искал связчика. — Значит, так! На восхождение надо полмесяца...

Варнакову вспомнилось что-то белое, просторное, и сразу полегчало. Он прикинул и так, и эдак — в ближайшие дни не мог выкроить больше недели.

— Мало! — поморщился Алтай.

— В конце месяца могу еще столько же урвать.

— Идет! Сейчас сделаем заброску на Дурной — оставим там бензин, продукты, а восхождение потом.

Это был удачный маршрут — может быть, одно из самых приятных восхождений в жизни Варнакова. Перевал дался так легко, что друзья решили подтянуться ближе к хребту. Но потом, на высоте замело, да так, что пришлось ночевать на леднике, прятать груз и спускаться в город.

Жизнь продолжалась. Варнаков готовился к диплому и к восхождению. Вдруг пришло письмо. Лариса писала, что не может забыть вечер в вишневом саду, что Костя тогда ее просто напугал. "Согласись, ты вел себя дерзко..." В письме не было ответа, но было много вздора, от которого сладко щемило сердце.

Лариса решила оставить свой милый поселок и приехать в город, чтобы писать дипломную работу в библиотеке. "У нас такая скука..." Она уже купила билет и надеялась, что Костя встретит ее в тот самый день, когда он должен был находиться под перевалом.

В первом порыве Варнаков отшвырнул письмо — ведь все было решено. Но в голове уже вертелись слова оправдания перед товарищем.

Алтай не обиделся или сделал вид, что ему все равно.

— Вольному — воля, — сказал. — Спасибо за то, что помог сделать заброску. Теперь мне одному продуктов надолго хватит. Месяц на Массиве — это ж кайф!

— Подожди пару дней?! — неуверенно пытался уговорить его Варнаков.

Но Алтай отвечал твердо, что не любит менять решений — плохая примета. Если решил уйти четырнадцатого, то уйдет, хоть дождь, хоть землетрясение.

Лариса в назначенный день не приехала. Костя дал ей телеграмму, ждал еще сутки, думая, что она прибудет следующим поездом, несколько раз звонил по межгороду — на другом конце провода к телефону никто не подходил. На третий день трубку сняла мать или бабушка, сказала буднично, что Лариса улетела в Москву.

Прошел месяц, Алтай не звонил и не появлялся. Это было естественно. После защиты диплома Костя получил распределение в Вычислительный центр, в чем почти не сомневался. Уже перед выходом на работу он случайно встретил сестру Алтая. Она не видела брата уже месяца полтора, но не беспокоилась: он и прежде исчезал на все лето. Время от времени Варнаков наводил справки о товарище — тот не вернулся даже к зиме. Сомнений не оставалось — друг погиб. Одиночные маршруты для него были не в диковинку, но погиб он именно тогда, когда рядом должен был быть Варнаков.

Следующая весна выдалась ранняя: в конце марта сильно потеплело, а в середине апреля в городе стал появляться весенний дух зелени. Мать и сестра с малолетним сыном уехали: мать — в гости, сестра — в командировку. Костя сидел на балконе и читал, накиннув на плечи теплую куртку. Смеркалось. Он был уверен, что не спит, видел книгу на коленях, темные полосы строчек бежали перед глазами. Макушки тополей под окнами едва доставали до четвертого этажа, а он был на шестом. Но вот на планшир балкона легла рука, затем другая. По напряжению пальцев Костя понял, что кто-то подтягивается. Это были не обыкновенные руки какого-нибудь стенолаза и вообще человека живого. Костя мгновенно вспомнил, что видел их три года назад, когда спасатели в верховьях Громотухи грузили в вертолет труп скалолаза, больше года пролежавшего на высоте...

Варнаков дернулся от ужаса. Книга упала с колен. Никаких рук не было. Он вскочил, заглянул за планшир — глупо было думать, что кто-то без каких-либо приспособлений может подняться на его балкон. Приснилось. Костя вошел в квартиру, плотно прикрыв за собой дверь. Перед тем как лечь спать, зачем-то проверил входную.

Уснуть он не смог до самого рассвета. Всю ночь в полубреду переживал одно и то же: как садится в автобус, потом подходит к первому перевалу, спускается в ущелье, и снова подъем. Представлял, как ставит палатку на морене, пьет чай. Вот надвигается перевал Дурной, который они так легко прошли с Алтаем. Он похож на старинные, обитые железом ворота... И все начинается снова: автобус, переход...

На работе участливо спрашивали: не заболел ли? Вид у Константина был неважнецкий. На вторую ночь все повторилось. Правда, к утру, когда внизу на тополях зачирикали ранние птицы, удалось уснуть. На третью ночь, боясь бессонницы, Костя долго читал. Раздался настойчивый звонок межгорода. Варнаков подумал, что звонит сестра. И вдруг услышал голос Лариски, чистый и громкий:

— Как живешь, Костик? Не женился?

— Нет! — с трудом соображая, ответил Варнаков.

— Хочешь, я к тебе заеду дня на три?

— Заезжай, а что случилось?

— Проездом. Хочу увидеть тебя. Мы ведь друзья, не так ли?

И все! Гудки разблокированного пространства. Впрочем, почему она звонит во втором часу ночи? Ах, да! Там вечер, и это Москва.

Костя никогда прежде не знал Ларису такой простой и доступной, какой она показалась ему в аэропорту.

— Костя, милый, что с тобой? Ты постарел лет на десять.

Ему показалось, что слеза чистой капелькой сверкнула в уголке ее глаза. И Варнаков подумал, радуясь: "Как здорово, что она приехала именно сейчас!"

Он привез ее домой, где уже был накрыт стол.

— Я так устала, — вздохнула девушка после ужина. — Ляжем спать пораньше?!

— Да, конечно. Где тебе постелить?

— Старики не придут?

— Нет!

— Тогда ты меня больше не любишь? — шаловливо подмигнула она и положила голову ему на плечо: — Бедный, бедный Косточка, что с тобой произошло за этот год?

Варнакову стало хорошо и уютно. "Вот и все", — подумалось о кошмарах последних, изнурительных ночей. Он вдруг понял, что по-настоящему в своей жизни желал только одну женщину — Ларису. Поглаживая, она провела ладонями по его груди, по плечам, затем ее руки скользнули ему на спину. Это получилось у нее так непроизвольно, что в простых движениях Костя почувствовал чужой опыт, и неприязнь к этому чужому тупо шевельнулась в душе.

"Это ее личное дело", — осадил он себя, целуя податливые губы. Случайно его рассеянный взгляд упал на подушку, где разметались ее волосы, и среди них, на белизне белья, показалась та самая рука: черная, в ссадинах.

Холодный пот прошиб Варнакова. Он вздрогнул.

— Костенька, что с тобой? — услышал далекий голос Ларисы, застонал, уткнулся лицом в то место, где только что была проклятая рука. Потом, рыча и всхлипывая, рассказал ей, что случилось после их последней встречи.

— Это пройдет, — погладила она его по щекам. Взяла его ладонь, положила себе на грудь и больно вывернула большой палец. В полутьме что-то зловещее мелькнуло в ее глазах. Или ему так показалось.

— Завтра ты сходишь к психиатру. Обещаешь? Сегодня я так устала. Все хорошо. Старики завтра не приедут?

— Нет!

— Спи! Все пройдет!

Варнаков сдержал слово, с утра отправился в поликлинику, но записался не к психиатру, а к сексопатологу.

Так мы встретились.

Рослый, широкоплечий, выглядевший старше своих лет, он сел у моего стола, поджав длинные ноги. Разговорить таких пациентов бывает трудно. Но это был мой шанс. Я готов был превратиться в змея, чтобы влезть в его душу, запертую на семь замков, и все-таки выведал то, чего ждал: Массив — Алтай — гибель! Нет, пациент не разочаровал меня.

Кажется, я даже вскочил из-за стола и забегал по тесному кабинету, чуть не опрокинув муляж.

— Галлюцинация исключается! — вскрикнул азартно. — При достаточном воображении можно принять какой-нибудь предмет за желаемое...

Варнаков молча поворачивал голову, следуя за мной взглядом, прижимал к столу длинные ноги.

— Озабоченность и даже отчаяние по поводу собственной жизни является духовной травмой, но не психическим заболеванием, — цитировал я кого-то. — А вот фиксация душевной жизни на патогенных травмах... Это серьезно!

И тут я заметил, что Варнаков бросает на меня странные взгляды. Я сел, заставил себя сосредоточиться, и спокойно подвел итог своим догадкам:

— Случай, конечно, чрезвычайно интересный. И все-таки, чтобы избежать невроза, я думаю, вам придется сходить на Массив — это кратчайший путь к выздоровлению.

Лицо Варнакова густо покраснело. Он не шелохнулся, только раздраженно застучал носком туфли.

— Я не за советом к вам пришел, — проговорил жестко и членораздельно, — а за помощью.

— Ах, да! — вспомнил я и стукнул себя ладонью по лбу. — С этим проще всего. Когда уезжает ваша девушка?

— Послезавтра.

— Сегодня не обещаю, а завтра постараюсь достать лекарство... Импортное, готовится из натуральных соков, дорогое, но гарантия стопроцентная.

— Мне надо сегодня! — упрямо проговорил Варнаков.

К вечеру я положил в карман купюру достоинством в пятьдесят рублей, сделал пациенту укол и еще раз напомнил, что лучше бы ему с девушкой подыскать другое место: квартиру друзей, гостиницу, дачу.

— Когда начнет действовать стимулятор? — по-деловому спросил он.

— Часа через два.

Пациент кивнул и шагнул к выходу.

— Одну минуту, — спохватившись, остановил его я. — Оставьте ваш телефон, пожалуйста. Этот навязчивый зов... Удивительный в моей практике случай.

Варнаков назвал номер своего телефона и вышел.

К сожалению или к счастью, Константин не выбирал судьбу: это она играла с ним. Дальнейшие события, хоть и зависели от некоторых совпадений и случайностей, но, в сущности, были фатальной закономерностью.

Ларису город студенчества стал раздражать. На дачу в апреле она поехала без особого энтузиазма. К тому же день был холодный. Костя с трудом раскочегарил чадающую, выстывшую печь. Лариска ежилась на отсыревшем за зиму диванчике, опасно поглядывая на друга.

— Шампанское? — старался поддержать настроение Костя.

— Какое уж тут шампанское, давай водку!

Разгоряченный, он сел рядом. Сначала она уклонялась от его ласк. Но вскоре комната наполнилась теплом и Лариса стала податливой.

"Вот и все!" — он сбросил с себя на пол одежду и в этот миг, словно усиленный мегаваттной аппаратурой, за окном раздался храп.

На этот раз задрожала и забилась в истерике Лариса:

— Что ты? Глупенькая... — пытался он успокоить подружку. — Ведь это же конь заржал, мы проходили мимо него в саду. — Ты что, никогда не слышала, как ржут кони?

— Так громко? Нет! — всхлипнула девушка. — Костик, ты не тронь меня сейчас, а? Ну, пожалуйста.

Варнаков встал. Налил в полутьме водки в стакан, выпил залпом и, как был, нагишом вышел в сад. Весенний ветер с запахом земли студил кожу. Спутанный мерин, тоже отчего-то возбужденный, стоял под самым окном, лупоглазо косился на обнаженного человека.

— Подглядываешь, скотина! — хлестнул его веткой Варнаков. Конь развернулся и, не спеша, заковылял на участок сторожа.

Костя вернулся, хлопнув дверью. Лариса была одета и отчужденно сидела на прибранном диванчике.

— Не судьба! — вздохнул Варнаков и тоже стал одеваться.

Они расстались вежливо, спокойно и холодно. Оба чувствовали — на этот раз навсегда.

Помню, после первой встречи с Варнаковым я долго не мог уснуть: вспоминал, каких глупостей наговорил, снова и снова мысленно возвращался к его ответам на свои бестактные вопросы — было стыдно. Через день я позвонил ему и он нехотя согласился поговорить. Мы

встретились в сквере, вдали от проезжих улиц, присели на лавочку и заговорили свободно, как старые приятели. Чуть печально и с юмором он рассказал мне о ночлеге на даче. Сильный, красивый, неглупый, он мог себе позволить быть простым и открытым. Хитрость и скрытность — качество обделенных и убогих, вроде меня. Так мне тогда казалось.

— Я много думал над нашей беседой, — начал я без обиняков. — Извини, но в твоём случае есть что-то нелогичное... Или он не вписывается в известный порядок расстройств. Уже потому к этому нельзя отнестись без особого внимания. Ты можешь недопонимать серьёзность своего положения.

Варнаков многозначительно усмехнулся и ничего не ответил.

— Во-первых, зрительные галлюцинации бывают только у хронических алкоголиков и наркоманов — ты явно не из их числа.

Варнаков молчал, покуривая. На лице его было написано: "Что имею, то продаю! Теперь я тебе нужен, а не ты мне!"

И тогда я заговорил о себе:

— Я собирался после института заняться психоанализом, а стал вот сексопатологом. Временно, конечно. Старая любовь не ржавеет: я собираю материал для диссертации. В твоей истории меня интересуют не отношения с любимой женщиной, а признаки невроза и их истоки. Если же брать глубже — психогенез и способность сознания воздействовать на материю.

Варнаков, не мигая, заинтересованно смотрел мне в глаза. Сигарета, зажатая меж пальцев, тлела и тлела, подбираясь к фильтру.

— Убеждают человека, что его кожи касаются раскаленным предметом, и появляется ожог, — продолжал я. — Кто-то внушает себе, что ходишь по холодной земле и ты без ожога наступаешь босыми ногами на раскаленные камни...

Варнаков разжал ладонь с рассыпавшимся спичечным коробком и снова потянулся к пачке сигарет.

— А у тебя так бывает? Ни с того ни с сего, вспомнится и... Как иголка в тело? — спросил неожиданно.

— Бывает, только не пойму, о чем ты, — насторожился я.

— Еще тогда, в клинике, увидел тебя и почему-то подумал, что у тебя тоже так бывает. Выходит, не ошибся.

Мне казалось, я слышу, как колотится его сердце, хотя внешне он выглядел спокойным и уравновешенным:

— Про галлюцинации... Ты специалист, ты и думай! Только имей в виду, что Массив — это не простая горная возвышенность — там ведь черт знает что творится! Начни в городе рассказывать, что там бывает, — в дурдом упекут...

— И что там бывает? — спросил я.

— За психа ведь посчитаешь?! — Варнаков бросил на меня быстрый, оценивающий взгляд, затем решительно мотнул головой. — Впрочем, как хочешь, так и понимай: у Алтая были темно-русые волосы, летом они у него выгорали прядями. Он ходил разноцветный, как зебра или стригся наголо. Однажды в альплагере девчонки обесцветили ему прическу. Он с неделю ходил лохматый — дескать, такой цвет в самый раз для гор. Потом у него стали пробиваться темные — от корней... Так вот, перед восхождением, когда мы встретились, у него была белая, как сметана, и длинная, до плеч, грива. Неделю мы пробыли в горах. Не мог же он тайно от меня на верхотуре подкрашиваться?! Волосы стали белыми.

Варнаков пристально смотрел на меня, ожидая реакции. Глаза его выдавали страх, тот самый, который нет-нет да и проявится у пациента перед сменой повязки или перед уколом.

— Так не бывает! — вырвалось у меня.

— Ну вот! — хрипло хохотнул он. — Галлюцинаций не бывает, волосы цвет не меняют... Я навсегда расстаюсь с Лариской, но на Массиве только о ней и думаю, а она уже пишет письмо о встрече... Да сам Алтай жаловался: "Совсем честным становлюсь: врать боюсь, что ни придумаю — обязательно случится!" И вообще, — Варнаков со злорадной ухмылкой ударил ребром ладони по краю сиденья, — может, он и погиб, потому что искал смерти, сам того не понимая... Догадывался ведь, на что способен Массив, а любил ввернуть фразу: "Счастье, когда твой след уходит в небо и уже не спускается вниз; голубые саркофаги ледников — награда лучшим из нас!"

Мы замолчали, размышляя каждый о своем.

— Да, интересный поворот! Надо подумать! — Я сунул руку в карман куртки, извлек купюру, полученную от него, и протянул. Он механически взял деньги, повертел в руках, недоумевая.

— Психотерапия! Я тебя витамином кольнул, ампула стоит копейки... А то, что с подружкой прокол вышел, не бери в голову: случайность, волнение... И вообще, с женщиной, которую любишь, сблизиться в первый раз бывает трудней, чем с другими.

— Претензий нет! — буркнул Варнаков. — Ты здесь ни при чем.

Сновали мимо прохожие. Никому не могло прийти в голову, что мы — врач и пациент. Тем более, что врач пытается убедить пациента сунуть голову в петлю, чтобы не попасть в сумасшедший дом... По крайней мере, одному из нас. А пациент, как все больные, упирается, надеется отделаться таблетками.

— Предположим, ты на перевале. Дальше-то что?

Варнаков пожал плечами. В ночных кошмарах он доходил только до него.

— Это и настораживает, — не отставал я, — пока человеку удастся воплощать свои фантазии, он вполне здоров. Как правило, отстранение от действительности начинается, когда реализация фантазий невозможна. Это — уже сигнал болезни...

Варнаков беззвучно рассмеялся, затряс головой и встал:

— Такого наслушаешься — шизануться можно! Хотя проскочила одна дельная мысль: если наше сознание способно создавать силу могущественней себя, то, может быть, Массив и есть та сила?.. Одного не пойму, зачем я ему нужен?

Костя позвонил через месяц и сказал, что я был прав — придется идти. Он пригласил меня в горы, но я отказался, побаиваясь все испортить. В середине мая он получил первый отпуск, набил рюкзак в расчете провести на Массиве дней десять. С первого июня у него была оплаченная путевка в дом отдыха.

Маршрут не удался — не повезло с погодой. В те дни даже в городе сбило дождями цвет фруктовых деревьев. Горы завалило снегом. Костя застрял под перевалом и, проваливаясь по грудь, рискуя попасть под лавину, еле выбрался из ущелья. Вернулся он измученный, но повеселевший, будто там, в снегах, сбросил тяготивший груз.

Прошло лето. Я несколько раз собирался позвонить ему, но по разным причинам откладывал встречу. Потом стало не до того.

Был промозглый ноябрьский день. Утром выпал сырой снег, а к вечеру город размесил его в коричневую слякоть. Я шел на работу мимо рынка и чуть не споткнулся об обрубок человеческого тела, пристегнутый к тележке на шарикоподшипниках.

Безногий путался в толпе зевак, обступивших наперсточников, шныряя среди штанин и мокрых сапог. Из-под ворота его грязной рубахи торчала трубка, к которой время от времени он прикладывал горящую сигарету и через сморщенный пластик выпускал струю дыма.

Я хотел проскользнуть мимо, даже спрятал лицо за воротником пальто и надвинул шерстяную шапочку на глаза. И все же он узнал меня. Схватил за полу, громко и скандально застучал по тележке деревяшкой, которой отталкивался от земли. Не поднимая головы, я вытащил из кармана «честно» заработанную полусотню, он выхватил ее у меня из руки, оттолкнулся рывком короткого тела, тележка загрохотала подшипниками, скатываясь по грязному асфальту. И вдруг, как насаженный на стержень, он резко обернулся, подмигнул и беззвучно прошлепал иссохшими губами:

— Живем, парень!

Я стоял в людском потоке, растерянный, испуганный, как много лет назад, когда был зажат шеренгами надвигающихся автомобилей и вилкой трамваев, мчавшихся навстречу друг другу. Ясно вспомнилось, как с другой стороны рельсов неловко метнулся мужик с тяжелой челюстью и, оторвавшись от земли, грузно ударил меня телом, как я, дрожа, обхватив бетонный столб между путей, а по канавке у моих ног потек кровавый ручей, над которым клубился жирный пар.

Прошла зима, и Варнаков позвонил сам: у него опять началась болезнь, та, что и год назад. "Не пошел в свое время спасти друга, теперь будет ходить каждый год, спасая себя!" — раздраженно думал я, не зная как помочь ему.

Так и вышло. Несколько лет подряд происходило одно и то же: Варнаков уходил к перевалу, через который когда-то беспрепятственно прошел с исчезнувшим другом. Он все делал как надо, вставал и собирался ночью. При хорошей луне выходил еще до рассвета. Пересекал ледник и шел к основному подъему крутого кулуара; нарастало жутковатое ощущение, что кто-то там, за вершинами, взводил

курки гигантских дробовиков. Костя поднимался выше, до рубежа, к которому перевал позволил приблизиться в прошлый раз — раздавался грохот: вниз летели камни и лед, фуркая, их обломки проносились совсем рядом. Он уворачивался от смертельных ударов, не раз пытался и под камнепадом подниматься вверх. Но рано или поздно не выдерживал, подставлял камнепаду незащищенную спину и бежал вниз, хотя это было еще опасней, чем стоять на месте.

За последние годы он даже привык к этим обстрелам. Здравый смысл заставлял отступать, и Варнаков спускался к покинутой стоянке, приходил в себя, возвращался домой, выбирая обратный маршрут посложнее, вымещая злость на попутных вершинах и перевалах. Все они позволяли взять себя, и только Массив не принимал.

Но возвращался он поздоровевшим, думая, что исцелился навсегда и рассказывал о своих похождениях только следующей весной, когда начинал чувствовать приближение очередного приступа.

— Что бы ты там ни думал по своей профессии, — говорил мне, — но после маршрута остается чувство, будто Массив пытается от меня чего-то добиться, как дрессировщик от зверя: а я не пойму чего.

В прошлом году он снова собирался на очередной маршрут, укладывая снаряжение. Вдруг полоска света с лестничной площадки бесшумно пронизала прихожую и цепочка цветных карабинов, среди разбросанного альпинистского снаряжения, засияла радугой. В дверном проеме появился Ленька. Рот его раскрылся от проглоченного слова, руки непроизвольно потянулись к цепочке. Длинный и жидкий, как полугодовалый дог, юнец сглотнув слюну и жалобно проскулил:

— Дядь Коть, возьми меня с собой!

— Молод еще, — не оборачиваясь, ответил Костя. — Вот следующей весной, если закончишь школу без троек...

Ленькины глаза помутнели от обиды. Условие было невыполнимым для закоренелого троечника. И вдруг приснилось Варнакову, что он поднимается на перевал вместе с племянником. И полегчало на несколько дней.

Я знал, что Костя любит своего племянника как младшего брата. И Ленька, выросший без отца, всю свою тягу к взрослому мужчине отдал деду и "дяде Коте". Разница в их возрасте была всего-то лет в десять, потому и дядей Ленька называл Костю шутя.

Когда я услышал, что Варнаков берет с собой в горы племянника, мне стало немного не по себе. Я встретился с ним перед маршрутом, еще не задал ни одного вопроса, а он стал жаловаться и оправдываться, что мать с сестрой пристали: своди да своди в горы. Ленька и самовольно может уйти, если захочет — разве в горах у него может быть друг надежней родного дядьки?

Я кивал, соглашался, исподтишка заглядывая в его глаза. Не страх был в них, там мельтешил ужас. Костя смотрел мимо и еще отчаянней доказывал мне, что не мог не согласиться взять племянника. Я же опять не имел ни времени, ни желания идти с ними и молчал, с жутковатым любопытством ожидая развязки. Дома открыл наугад настольную книгу и прочитал: "Грех она лишь один совершила, а после зло одно новым злом исправляла!" «О Медее? Или обо мне? Или о Варнакове?» — подумал с неприятным предчувствием, откладывая книгу в сторону.

* * *

Вдалеке ненавязчиво рокотала река, робко попискивали комары над головой. Дождь то тарабанил по тенту, то стихал. Мокрый ветер цеплялся за вершины промозглых елей. Варнаков наглухо застегнул вход в палатку, смакуя миг, когда ляжет и радостно уснет, как всегда засыпал в горах на пути к Массиву.

За палаткой слышны были потрескивание костра, смех, брэнчание гитары. Это плотогоны расположились рядом. Два раза они подходили и приглашали к своему костру, но Костя, надеясь уснуть, отказался. Ленька тоже не пошел, пока он был образцово дисциплинирован.

— Спишь?

— Не спится. Комары пищат, — пробубнил племянник и выбрался из спального мешка.

— Сходи к плотогонам, — добродушно разрешил Варнаков. И добавил строже: — Но в четыре подъем. Завтра весь день ищачить.

Ленька покладисто вздохнул, стал натягивать ботинки. Палатка содрогалась от его неловких движений. По воплям и хохоту у костра Варнаков понял, что племянника приняли в компанию без проволочек. Но уснуть ему не удавалось: мешали плотогоны. Кто-то бубнил, неинтересно рассказывая известные горные байки

Дождь все так же постукивал по тенту мелкими зарядами. Совсем рядом прочавкали чьи-то ботинки, задели растяжку, палатка дернулась. Ленька чертыхнулся.

— Дядь Коть! Пойдем к ним. Все равно не спишь! Пойдем, а? Одному не то.

Варнаков поворчал, но стал собираться, удивляясь своей покладистости. Он обулся, накинул штормовку и направился к костру. Ленька полез в палатку, предусмотрительно сунул в карман горсть карамелек, прихватил две кружки.

Было самое время для историй странных, для историй страшных. Подойдя к костру, Варнаков догадался по притихшему кругу возле огня, по монотонному голосу, что в компании та самая атмосфера, и поэтому постарался подойти тише, не нарушить ее.

— ...а турист слышит: кто-то ходит, — говорил парень с густой бородой, из которой торчал лишь облупившийся нос, блестели глаза, вытаращенные от поддельного страха. — Думает: может, кто из наших возвращается? Только собрался, значит, спросить. А тут под полог просовывается огромная рука — черная, вся в ссадинах, царапинах — и давай нащупывать застежки, открывать вход... Палатка распахивается, а там...

Варнаков подошел вплотную к плотогонам, хотел незаметно протиснуться к костру. Одна из девчонок обернулась... Затем даже уши заложило от визга. Бородатый откинулся назад, в щетине блеснули зубы. В следующий миг промозглый воздух дрогнул от хохота. Рассказчик, схватившись за живот, ритмично откидывался и сгибался к огню, рискуя опалить бороду.

Варнаков сел, будто ничего не случилось, налил чай в кружку, отхлебнул, спросил насмешливо:

— Как через пороги пойдете, если от людей шарахаетесь?

И Ленька за спиной, смелый от незнания жизни, язвительно хихикнул:

— А они с завязанными глазами...

Ему, конечно, добродушно простили шутку. Хоть и утверждал, что ему восемнадцать и ростом с каланчу, на мордышке написано — школяр!

Стих хохот. Молча пили чай и слушали рокот реки. Потом плотогоны пели под гитару. И это надоело. Бородатый все приставал к девчончке, пытаясь насильно рассказать ей страшную историю. Она повизгивала, затыкая уши ладошками. Варнаков хотел уже незаметно уйти. Но девушка кивнула в его сторону:

— И не страшно, и не страшно! Вот пришел парень, сначала испугалась, теперь вижу — хороший человек. И не боюсь!

Другая девушка, постарше, не участвовала в бестолковом разговоре. Она смотрела на пламя, тихо выводила носом мотив пропетых песен. Варнаков давно обратил на нее внимание. Она встрепенулась, будто только сейчас услышала бородатого, и обратилась к сидящему рядом парню:

— Коля, расскажи-ка лучше, как мы встретили Белого альпиниста?! На Массиве. Не так уж далеко отсюда.

Сырая земля и раскаленные угли костра качнулись под Варнаковым.

— Какой из меня рассказчик? — проямлил парень с обветренной и чисто выбритой физиономией. — Ну, пришли. Троечный перевал там, спускаемся... Ну, ледник, моренное озеро. Место сухое, поставили палатку. Полдень. Думали полудневку сделать, а с утра восхождение по двоечке. А там, как раз на пути, трещина. Дай, думаю, сходим налегке на ледник, посмотрим, как через нее перебираться.

Мы с Антохой пошли, и Анютка, — кивнул на соседку, — не захотела одна в лагере оставаться. Слышали, как лавина сошла, но не видели... Спускаемся — нет палатки. Снесло в озеро. А сами — в чем были, в том и остались, даже без свитеров. Только у Антохи коробок спичек.

Коля замолчал, уставившись в костер, поморщился, вспоминая.

— Ни веревки, ни кошек — троечкой обратно не подняться. Есть два простеньких перевала, так это три дня ходу без продуктов, без теплой одежды. А что делать? Пошли, лишь бы не сидеть. А идти можно только в сумерках — на солнце отсыпались, ночь выживали. Все, думаю, крышка! Через два дня, чуть подъемчик — сердце заходится...

Опять замолчал Коля. Обычно пережитые трудности запоминаются ярче, веселей. Из этого парня и вправду рассказчик был никудышный или было что-то, что ему не хотелось вспоминать. Блики пламени

старили и без того испорченное ветрами и солнцем лицо, превращая его в печальную маску. Девушка нетерпеливо передернула плечиками, продолжила рассказ сама:

— Днем солнце пригрело и вышли мы на такое место, где отдохнуть можно: ручеек, травка. Легли. Кто уснул, кто задремал. Я открываю глаза: какой-то парень разжигает примус. Посмотрел на меня, протянул кружку с чаем, а она горячая. Я потрогала и не беру, думаю, сон.

— Нет, это же надо! — оживился Коля. — Вот уж действительно: когда уходит последняя надежда — приходит странный человек. А может, он и не человек? — удивленно пожал плечами. — Давно это было.

— Вот так! Пришел, накормил. Провел нас через скальную гряду — напрямик. И знаете, без страховки, забрался по стенке, нас на своей веревке вытащил. А с другой стороны тропа по ущелью и даже вдали автотрасса виднеется. Мы еще и отдышаться не успели, а он ушел — спешил куда-то. Даже имя не спросили — не принято как-то расспрашивать, а сам не сказал.

У костра притихли. Девушка улыбнулась:

— Вот и вся история.

Варнаков спросил, членораздельно выговаривая слова:

— Парень высокий, светлые волосы, а брови темные?

— Да, знаете, что-то такое... Давно это было... А вы его тоже встречали?

Варнаков не ответил, и снова спросил, ткнув себя пальцем в грудь напротив сердца:

— Вот здесь вытатуирован эдельвейс?

Коля пожал плечами, мотнул головой — не помнил.

— Что-то такое было, — наморщила высокий лоб девушка: — Я, помню, подумала: такое интеллигентное лицо — и татуировка... Что-то в нем было, что не вязалось... У него штормовка выгорела на солнце до белизны. Поэтому мы его так и назвали. Какие волосы, не помню. Пожалуй, светлые... Вы его тоже встречали?

— Да, кажется! — буркнул Варнаков под любопытными взглядами притихших плотогонов. — Ленька, двенадцатый час уже, нам пора.

Ленька скорчил кислую мину, но пошел следом. И у костра ветерком прошелестел неодобрительный ропот. Нехорошо поступил Варнаков: надо было хоть как-то разрядить любопытство, придумать что-нибудь.

Они ушли. Был дождь или не было — облако залегло своим мягким боком в ущелье, и в воздухе, как гнус, висела влага.

— Так кто это? Дядь Коть? — не выдержал племянник, укладываясь на свое место. — Профессионал-спасатель?

Варнаков долго не отвечал, ворочаясь в остывшем спальнике. А когда пауза невежливо затянулась, сказал:

— Нет никаких ни черных, ни белых, это только символы удач, неудач. Мифы.

— Ничо себе мифы, если ты и рост и цвет волос знаешь, — возмущенно заворчал Ленька. — Вечно что-то скрываешь.

— Был у меня друг, каждое лето на Массиве пропадал. Наверно, его и встретили плотогоны, — притворно зевнул Костя.

Разбудить Леньку на рассвете не удалось. Но зато с восходом солнца племянник оживился, и даже слишком: набил свой рюкзак под завязку — затолкал все самое тяжелое. Чертыхнувшись, Варнаков согласился, только палатку не отдал.

— Не люблю, когда мешок упирается в позвоночник. Так мне легче.

Погода почти не менялась: в воздухе висела невидимая влага, рои мошек вился над головой. Они уходили все дальше от стоянки, ноги мокли в сырой траве. Костя вышел вперед, чтобы хоть немного сбить влагу с кустов и уберечь Леньку. Вдруг сзади раздался гулкий шлепок и утробный выдох. Варнаков обернулся: из грязной жижи торчали ботинки, рюкзак и два огромных Ленькиных глаза.

— Чо балдеешь? — обиженно прогнусавил он, поднялся и пошел к реке ополоснуть еще минуту назад яркий ветрозащитный костюм.

Варнаков расстегнул его рюкзак, вытащил мешок с железом, а заодно облегчил груз на пару банок тушенки. С полчаса племянник тащился следом молча, потом вырвался вперед и запел. Остановился он у прижима. Пришлось обходить его поверху, продираясь сквозь кустарник. Сырые ветки цеплялись за одежду, хвоя и колючки сыпались за ворот.

Варнаков вспомнил, что Алтай не любил лес. При таких вот переходах по чащобе злился, спешил, ворчал: "Этот лес, как город, сделать против тебя ничего не может и изводит по мелочам колючками, пакостями. То ли дело горы?! Благородство! Если и убьют, то поджентльменски — раз и нету! Умирая, уважать будешь..."

Вот и ручей, бурным водопадом падающий в реку.

— Кажется, зря мы шли по этой стороне, — взглядываясь вперед, сказал Варнаков.

Выше слияния ручья и речки виднелась натянутая через русло веревка. Варнаков не предполагал, что она останется здесь с прошлого года. Но странное дело, провисшая середина веревки моталась в буруне, как леска с попавшей на крючок рыбиной. "Пожалуй, дерево зацепилось, — подумал Варнаков. — Веревка пригодилась бы, чтобы сократить обратный путь. Значит, придется освободить ее и натягивать заново".

Он еще раз бросил взгляд на бурун и вздрогнул: из пены высунулась человеческая рука, затем показалась голова и снова все ушло под воду. Сбросив рюкзак, Костя побежал к веревке. Согнувшись, пролез под нее, уперся руками в валун у кромки берега, распрямился, подрагивая от натуги. Провисшая часть поднялась из воды, тяжело вытаскивая безвольное тело. Ленька не растерялся, подпер веревку жердью. Варнаков вынырнул из-под нее, на ходу растирая плечо, выкинул из рюкзака репшнур, отцепил от связки пару карабинов.

Парень на веревке, кажется, был жив: потянулась вверх рука... мотнулась голова. Хотя, kloкочущий бурун мог шевелить тело.

— Придется тебе лезть к нему, — жестко сказал Варнаков. Ленька чуть побледнел. Застегивая на его груди страховочный пояс. Костя подбадривал племянника: — Не бойся, я тебя в любом случае удержу и вытащу, разве что искупаешься...

— Да не очкую я, — покраснел Ленька. — А если это мертвец, трогать его — бр-р!

— Ничего, он там на ремне висит. Попробуешь рукой — если ремень по веревке скользит — защелкнешь на нем карабин. Вот он, с правого бока. Потом я потащу тебя обратно, а ты выпускай вот этот репшнур — все понял? Если ремень зацепился — тогда хуже: обвяжешь

его под мышками репом — только крепко, ремень перережешь. Нож — вот! Ну, давай, не дрейфь!

Варнаков шлепком закинул ноги племянника на веревку, сам закрепился. Все можно было сделать быстрее, но он перестраховывался втрое: все-таки племянник совсем мальчишка.

Ленька быстро продвигался вперед, бурун слегка доставал волной его спину. Вот он подполз к ремню, смело дернул его на себя. Тело в воде качнулось, ремень продвинулся. Порядок!

Ленька закричал сквозь грохот реки. По его лицу Костя понял — жив утопленник! Потянул на себя репшнур, и Ленька, отплеываясь от захлестывающих волн на провисшей от тяжести двух тел веревке, заскользил ногами вперед к берегу.

Парня вырвало у воды. Варнаковы выволокли его наверх, на пологое место, положили под лиственницей на почти сухую хвою. Костя начал разводить костер.

— Ну, ты, чучело, — услышал за спиной насмешливый голос племянника. — Как зовут-то?

— Сеня, — громко икая, пробормотал "утопленник". — Семен.

— Вставай, Сеня, суши одежду, и будем тебя драть! — Ленька шлепнул по своей ладони чужим широким ремнем. Варнаков, раздувая огонь, прикрикнул:

— Оставь парня! Наломай сушняка да выжми одежду.

Ленька послушно бросил ремень и полез под ближнее дерево, затрещал, захрустел там сухими ветками.

В сером небе пробилось голубое окно, и через него на сырой лес брызнули солнечные лучи. От мокрой травы и одежды душно-запарило. Время было обеденное. Обжигаясь, Варнаков поставил на желтую перину хвои черный котелок с кашей.

— Ложка есть, "утопленник"?

Сеня покачал головой.

— Понятно!

Варнаков согнул совком жестянку от тушенки, рукояткой ножа обстучал края.

— Держи, для каши пойдет!

— Не хочу я есть!

— Надо! — в тон Варнакову приказал Ленька.

Парень неохотно взял жестянку, ковырнул в котелке, его челюсть лениво задвигалась вверх-вниз, замерла, отвисла. «Юнец еще — лет восемнадцать, — двадцать», — отметил про себя Костя.

— Ведь я мог насмерть утонуть?!

— Запросто! — прошепелявил Ленька. — Задержись мы чуть-чуть, и сняли бы тебя, как дохлого налима. — Рассмеялся: — Я лезу, а коленки — др-р-р! Жмурика на себе тащить, а? Прикинь?

Семен прикинул, поежился, отложил жестянку. Облака разносило, становилось все жарче, догорал костер.

— Нам наверх, а ты куда? — спросил Варнаков.

— Мы за перевалом стоим... Жрем, пьем, девчонок... Развлекаем. Возьмите меня с собой, а? — жалобно простонал он.

— Это невозможно! — сказал Варнаков таким тоном, что «утопленник» опустил глаза и кивнул. — Далековато тебе топать, к вечеру не дойти. Вот что, Семен. — Варнаков подвинул ему полбулки хлеба, горсть конфет. — Сейчас мы переправим тебя на ту сторону. Внизу, под перевалом, есть старенький шалаш...

— Знаю, я там ночевал.

— Ну и прекрасно. Доберешься, переночуешь, а утром перевалишь к своим. Нам надо спешить.

Одежда просохла, рюкзаки были упакованы. Когда Варнаков пристегнул к поясу парня страховочную веревку, почувствовал, что тот дрожит.

— Может быть, Леньке перебраться на другой берег и вытянуть тебя? — предложил Сене. Он мотнул лобастой головой:

— Нет, я сам! Ему же потом возвращаться придется... А вы когда обратно?

— Через недельку!

— Здесь же пойдете?

— Здесь!

— Плевое дело! — не удержался прихвастнуть Ленька и, небрежно цыкнув, сплюнул в бурлящий поток, — Тебя перетащу и обратно вылезу.

— Нет, я сам! — упрямо повторил "утопленник". — Вы хоть кто? Спасли все-таки! — спросил, смущаясь.

— Белые альпинисты! — выпалил Ленька.

— Это вроде "черных", только наоборот?

— Угу!

— Будете возвращаться, заходите к нам, — глядя под ноги, проговорил Семен. — На островке возле тропы две палатки. Ну, что? Спасибо и до свидания!

Он неловко закинул ноги на веревку, пополз вперед. Бурун на середине реки рвался вверх, как язык пламени, но так и не смог достать его одежды. Миновав провисшую часть веревки, Семен остановился, отдыхая, поболтался, раскачиваясь, пополз дальше. На том берегу опустил ноги на землю, снял пояс. Варнаков вытянул его на другой берег и стал сматывать веревку.

Семен не уходил: серьезно смотрел на Костю с Ленкой, закинувших рюкзаки за плечи. Помахал рукой вслед. И когда они скрылись за деревьями, долго еще сидел на берегу.

К Массиву можно было подойти через простенький, но нудный перевал. Сначала Варнаков так и планировал, но уже в пути передумал, решил дать Ленке некоторые навыки ледово-скальной работы. Была надежда — вдруг все это надоеет племяннику — есть повод вернуться, так и не попробовав подняться на Дурной.

Перевал «Малыш» Варнаков брал несколько раз в одиночку и знал его на ощупь. Подходили к нему по леднику. Ледник как ледник. Ничего особенного: открыт, трещин мало. Слева со скал летят камни, но не успевают толком разогнаться: больше грохота, чем опасности. Перевал под снегом, отчетливая седловина, ледовый взлет.

И опять Варнаков поменял планы, будто передернул колоду. Он собирался идти первым на длину веревки, а потом тащить племянника, как в прошлые годы вытаскивал здесь свой рюкзак. Но загрохотала скала слева, из кулуара вывалился коричневый обломок, лениво переваливаясь с боку на бок, соскользнул на лед и подполз к самым ногам альпинистов. Костя неприязненно оттолкнул его и, перехватив Ленкин взгляд, сказал:

— Это еще не камнепад... Настоящий впереди! — и подумал, что если Ленка везучий, то камнепада они не увидят. И все же стоять на этом месте на страховке было нежелательно: укрыться негде. — Пожалуй, будет лучше, если ты пойдешь первым, — поскоблив щетину

на щеке, сказал Варнаков и в двух словах объяснил, как держаться на льду. Ленька с готовностью кинулся вверх. Спешил, скользил и срывался. Но в его несурзных движениях уже видна была врожденная грация скалолаза. Вот он ввернул ледобур, застраховался, подтянул веревку. Варнаков вылез к нему и сразу ушел на полную веревку по пологой части перевала.

Выползли на седловину. Не ожидал Костя от Леньки такой прыти — силен мальчишка, а давно ли в детский сад ходил.

Слева ледовый обрыв. Ленька осторожно подошел к нему. Варнаков хотел его окликнуть, но вместо этого незаметно перекинул веревку через забитый в фирн ледоруб. С кошачьей осторожностью Ленька заглянул вниз, осмелел, ступил на край и плюнул. Варнаков поежился от суеверного страха. А Ленька повернулся к нему, глазами спрашивая, где спускаться? Варнаков махнул рукой вправо, указывая пологий склон.

Ледник с этой стороны был под снегом: рванье — сплошь трещины. Но Костя проходил здесь каждый год и хорошо знал безопасный путь; шел впереди, изредка прощупывая снег ледорубом. Веревка волочилась по снегу. Ленька брел метрах в десяти от него, глядя себе под ноги. "Не удержит, если что! — с раздражением подумал Варнаков. — Разве так ходят на страховке?" Он начал забирать круче, вниз — где-то здесь была неглубокая трещина — и увидел черноту чуть приметного провала в снегу, еще раз оглянулся на понурого от монотонной ходьбы племянника и ступил в пустоту.

Тело рухнуло сквозь снежную корку. Против воли Варнаков выкинул ледоруб вперед клювиком, но он соскользнул с края трещины. И тут дыхание перехватило от сдавившего грудь пояса. Ноги не коснулись льда и повисли в воздухе. Ругнувшись, Варнаков крикнул: "Отпусти!"

Веревка ослабла. Над трещиной показалось чуть испуганное Ленькино лицо. Варнаков легко вылез наверх, спросил, не скрывая добродушного удивления:

— Как это ты застопорил веревку?

— Дернуло — я на живот и ледоруб в снег...

Варнаков удивленно вглядывался в спокойные глаза племянника: знал его с пеленок и вдруг стал замечать в нем незнакомого человека.

К всегдашней стоянке под Дурным подошли часам к семи. С прошлого года здесь никто не останавливался. Варнаков скинул рюкзак и, устало выгибаясь, указал ледорубом на щель между ледово-снежным карнизом и скалой.

Ленька презрительно цыкнул:

— Я думал, почище сегодняшнего!

— И сравнивать нельзя — коварный перевал, — сказал Варнаков, беспокойно поглядывая вверх. «Что-то еще будет завтра? — подумал. — Притих! Ждет! Лишь бы с Ленькой ничего не случилось. Не пропустит — вернемся.

— Да здесь и страховки не надо, — не унимался племянник, — раз наверх, и все...

— Ладно, тухни, карась, — не выдержал на этот раз и оборвал его Варнаков. — Нельзя здесь так говорить.

В сумерках они уже лежали в спальных мешках, сытые и усталые. Варнаков, не думая о завтрашнем дне, с удовольствием расслабился и тут же погрузился в теплый, спокойный сон.

Среди ночи он проснулся, озираясь в темной палатке, До четырех утра было еще далеко.

— Кто-то ходит! — толкнул его Ленька и приподнялся на локте. Он и разбудил Костю. — Слышишь?

— Черный альпинист! — пробурчал Варнаков и ухмыльнулся в темноте. — Выйди для рыцарского поединка на ледорубах; ведь ты же назвался "белым".

Ленька помолчал, соображая.

— Что, серьезно? — по голосу понятно — мальчишка готов был поверить в шутку.

— Спи, это лед хрустит... Холодает, таяние прекращается, лед проваливается.

Скоро Ленька засопел, а у Варнакова сон прошел. Но он чувствовал себя отдохнувшим. Вскоре у изголовья затарахтел миниатюрный будильник. Варнаков потянулся, вылез из спального мешка. Не позавтракав, двое торопливо набили рюкзаки, взвалили их на плечи и стали подниматься по серому предрассветному леднику.

Разные слухи ходили об этом перевале. Кто, вспоминая его, усмеялся, мол, чего там — можно и без кошек выскочить! Кто стонал,

как от зубной боли. Варнаков испытал на себе и то и другое. Этого перевала он попросту боялся, в глубине души надевая его живой душой.

— Быстрее, быстрее! — подталкивал Леньку в спину. Сам согнулся под рюкзаком, как огромный паук — мокрый, хрипящий, — без суеты, но торопливо перебирал ногами и руками, цепляясь за выступы скал. Они прошли самое опасное место — середину подъема. И теперь с каждым шагом степень риска уменьшалась.

Впереди темнел проход между скалой и ледовым карнизом. Выглянуло солнце из-за вершин, и засверкал лед. Вот и "дверь", столько лет преследовавшая Костю в весенних кошмарах. Они уже подбирались к безопасному участку. Дрожали колени и кружилась голова. И тут за спиной раздался грохот первого гулкового "выстрела". Полетели в кулуар обломки скал и льда.

Отдышавшись в защищенном от ветра месте, Варнаков подмигнул Леньке:

— Что дальше делать будем?

— Поись бы! — ответил тот.

— Все правильно. Завтрак — главное дело, — приговаривал, распаковывая рюкзак. Достал примус и поставил его в небольшую нишу в скале, куда не попадал ветер.

— Клевое место! Кочегарь, а я льда надолблю! — Сначала Варнаков подумал, что это сказал Ленька. Но странным голосом. И вдруг, похолодев, он медленно обернулся. Племянник лежал лицом вверх, навалившись на свой рюкзак. Никого не могло быть поблизости.

— Ты сейчас что сказал? — настороженно спросил Варнаков. Ленька открыл глаза, посмотрел на него удивленно:

— Ничего!

Напрягая память, Костя долил в резервуар примуса бензин, затянул поршень, подкачал воздух, и когда чиркнул спичкой, чтобы подогреть горелку, то, будто с магнитной записи, прозвучала та же фраза:

— Клевое место!..

Он даже не оглянулся: голос шел не извне, а откуда-то изнутри. Вспомнилось. Пять лет назад на этом же месте что-то похожее говорил Алтай. И голос, без сомнения, был его. С жутковатой ясностью память подкидывала полузабытые фразы.

Позавтракав, они спустились к морене, обошли контрфорс, поднялись к леднику на Массиве, затем вышли к скальному гребню, на котором была хорошая площадка для ночлега. Варнаков пустил вперед племянника, показывая снизу, где забить крюк, откуда страховать, молчал при его ошибках и терпеливо уворачивался от сброшенных им камней.

На середине пути Ленька стал выдыхаться, часто останавливался. Вот он закрепил одну руку, другую, уперся носком левого ботинка, медленно пополз вверх. Правая нога зависла в воздухе, выискивая опору, левая дрогнула в колене и соскользнула. Мальчишка повис на руках, несколько раз шкрябнул ботинками по скале и молча рухнул вниз. Первый крюк был метра на полтора ниже его. Он выдержал. Ленька вякнул, сдавленный поясом, и закрутился на веревке.

Варнаков был доволен: пусть поубавится у юнца самоуверенности и спеси. Сам вышел вперед, лез осторожно, не надеясь на страховку. И все равно было ощущение, что кто-то страхует сверху. Вспомнилось: такая страховка была пять лет назад.

Вот удобный камин. Он протиснулся в него, шебарша рюкзаком по скале. Что-то знакомое: желоб, и ни одной зацепки, но какой-то выход из него есть, причем выход элементарный: здесь они с Алтаем не вбили ни одного крюка, ни разу не вытаскивали шлямбур. Варнаков задрал голову, глядя вверх, и метрах в пятнадцати над собой увидел разгоряченное лицо исчезнувшего друга, который кашлянул и громко сказал:

— Там, повыше, хорошая щель. Ты дотянешься!

Костя встал на носки, вытянул вверх руки, пальцы удобно легли в невидимую снизу трещину. Он подтянулся, распираясь ногами в борта камина. Дальше путь был проще. Закрепившись наверху, огляделся. И только тут до него дошло, что он не мог видеть то, что видел снизу, и не мог слышать голос. Опять почудилось.

На скальном гребне поставили палатку. Здесь хватило бы места и для трех. Ленька разжигал примус, Варнаков крепил растяжки, и все валилось у него из рук.

— Ты ничего не слышал когда мы вылезли сюда? — спросил племянника, отводя в сторону глаза.

— Нет, а что? И на перевале тоже спрашивал?! — удивился Ленька.

— От высоты, что ли, в ушах звенит, — уклончиво ответил Варнаков и снова спросил: — Не видел никого на гребне, когда я первым шел?

— Не видел, а что?

— Устал?

— Есть немного! — шмыгнул носом племянник.

Ленька уснул быстро. А Варнаков лежал под спальником, даже не сняв ботинок. А когда мальчишка задышал ровней, засвистел носом, он вытащил из-под головы веревку и тихо вылез наружу. Прислушался — Ленька не проснулся. Крючья и молоток были оставлены за палаткой.

Варнаков закрепил на груди страховочный пояс и уже в сумерках направился к тому месту, где вылезли на гребень. Он нашел трещину в скале, вбил пару крючьев, намертво закрепил веревку, другой ее конец сбросил вниз по камину. Стал спускаться.

Темнело. Костя встал на то самое место, отдышался, уперся ладонями в борта камина и задрал голову. И опять, как при повторном просмотре фильма, высунулась голова с потным, разгоряченным лицом, кашлянула и громко сказала:

— Там, повыше, хорошая щель. Ты дотянешься!

Варнаков на пределе, как на соревнованиях по скалолазанию, рванулся вверх. Никого не было. Он, наклонившись, посмотрел вниз. Площадка была скрыта во тьме. "Почему же лицо снизу виделось так отчетливо?" И тут он понял, что можно спускаться и подниматься десятки раз и всегда, как в кино, будешь видеть и слышать то, что было, пока не притупится память.

Он неторопливо смотал веревку, выдернул скальные крючья и пошел к палатке. Ленька что-то пробурчал во сне и опять засвистел носом.

Проснулись они под обвисшим пологом: падал снег. С короткими перерывами, в которые солнце слепящим потоком обрушивалось на горы, снег шел весь день. В общем-то, Варнакова устраивало, если бы они с Ленькой просидели здесь три дня и вернулись.

Спать до полудня племянник не смог. Он оделся, вылез из палатки и шлялся возле обрыва, сбрасывая на ледник камни. Часто грохотали внизу лавины. Костя уже хотел прикрикнуть на племянника, чтобы тот

не занимался дурью, выглянул из палатки, и волосы на его голове встали дыбом. На самом краю пропасти, тот столкнул валун и махал руками, не успев остановить инерцию тела, выгибался взад-вперед. Но не упал. Хватило ума сесть. Трясущимися пальцами Варнаков натянул и зашнуровал ботинки, хрипло прорычал:

— Собирайся, выходим!

Хоть и сгоряча он начал восхождение, но по времени они должны были успеть к тому месту, где когда-то с Алтаем прятали продукты. Стоянка для ночлега там есть.

Снегопад прекратился. Но как только они пересекли ледопад их снова накрыло снежным зарядом. Ждать погоды не стали. Осторожно поднимались вдоль скальной стены. Варнаков поглядывал на часы — давно пора быть на месте. Может быть, уже прошли мимо? Они приткнулись к скале. Забились в широкую щель. Все сильнее дул ветер сверху, бил в лицо колючим снегом. "Да ведь это то самое место!" — вспомнил Варнаков. Он уперся рюкзаком в стену, защищавшую от ветра. Напротив шумно дышал племянник. И вдруг Варнаков отчетливо услышал шипенье серной головки на спичке. Табачный дымок пахнул ему в лицо. Ленька не курил, и сигарет у него не было.

— Ну и влипли, однако, Варнак. Непогода! — хмуро пробубнил знакомый голос.

Костя открыл глаза. Напротив стоял Ленька и смотрел себе под ноги.

— Считай, что нам повезло, — сказал ему. Махнул в сторону ледника. — Здесь в двадцати шагах должен быть балкон — скальный выход. На нем и переночуем. Я тебя подстрахую, а ты поищи.

Варнаков проворно сбросил рюкзак, вынул из кармана связку крючьев и забил один из них в трещину. Пропустив через карабин веревку, подтолкнул Леньку на колкий ветер. Тот послушно шагнул и исчез в белой пелене.

Варнаков опять прижался спиной к скале, закрыл глаза — ничего не было, только позвякивал карабин да выбиралась веревка у ног. Он на мгновение растерялся. Но тут же спохватился, набросил на плечи рюкзак и опять встал в том же месте. Зашипела серная головка, дым сигареты пахнул в лицо.

— Ну и влипли, однако, Варнак. Непогода! — опять пробубнил знакомый голос.

— Палатку надо ставить, — ответил Костя и, как тогда, добавил: — Переночуем, если за ночь погода не установится, спрячем продукты здесь...

— Я не надеялся, что на траверз выскочим, просто масть шла... — промокшая сигарета гасла, и Алтай, отплеываясь, чмокал, пытался раскурить ее. То была пауза, с которой диалог многолетней давности нужно было перевести в новое русло. В голове Варнакова мелькнула шальная мысль, как при работе с компьютером: "выйти из одной игры", набрать код и "войти в другую". Осознавая всю безнадежность затеи, он спросил, почти уверенный, что сейчас произойдет сбой программы:

— Я виноват в твоей гибели?

Ему показалось — все кончено, даже представился экран дисплея со знаком: "Система недоступна". Но снова зашипела спичка, опять пахнуло дымком.

— Ерунда! — проговорил голос и послышался раздраженный плевок на снег. — Если хочешь знать, я был даже рад, что ты не пошел.

Возможность памяти была значительно шире, чем представлялось. Оставалось узнать главное: ведь зачем-то столько лет его тащили сюда неведомые силы? Варнаков вынул из внутреннего кармана бронзовую пластинку, которую давно таскал с собой в горы: догадывался — перевал только предтеча, надо быть готовым к тому, что должно последовать. Последствия представлялись смутно, и только эта пластинка здесь, за перевалом, придавала происходящему какой-то смысл. Кроме имени и фамилии, дат рождения и исчезновения здесь была эпитафия. Долго искал ее Варнаков, перебирая десятки романтических фраз. Все решилось после встречи с бабушкой друга. Вспомнив внука, она всплакнула: "Мы долго искали тебя, наш милый, и никак не могли найти". Много дней тот плач сидел в голове Варнакова, прежде чем был выгравирован.

С заискивающей улыбкой он протянул в пустоту бронзовую пластинку. Голос усмехнулся:

— Зачем мне твой медяк? Не побираюсь!

— Так чего же тебе надо? Ленку?.. А это видел?! — Варнаков сложил замерзшие пальцы в дулю и вытянул руку в пустоту, к

противоположной скальной стенке. Постоял молча, успокоился, спросил тихо: — Ленька-то тебе зачем?

— Мне уже ничего не нужно. Это мальчишке нужен Массив.

— Зачем? Гробануться, как ты? — съязвил Варнаков.

— Мне не повезло, ему, может быть, повезет. Я нашел Массив далеко за двадцать, ему всего шестнадцать — это счастье?

Веревка была выбрана на всю длину и все настойчивей дергалась.

— А ты можешь гарантировать, что с ним ничего не случится? — закричал Варнаков в пустоту.

Падал снег и с бешеной скоростью проносился мимо. Напротив лица — скала в трещинах. Распахивая ногами мягкие сугробы, из круговерти выплыл Ленька. Румянец во всю щеку, в светлых кудрях мокрый снег и тренькающие сосульки над глазами.

— Нашел. Скалу нашел!

По лункам следов они вышли на вытоптаный ботинками бугор, ногами стали разгребать снег. Место было открытое, продуваемое, зато относительно безопасное от лавин. Расчистили площадку, на ветру, с трудом установили палатку, втокнули в нее рюкзаки и сами, мало-мало отряхнувшись, влезли в отвоеванное у непогоды пространство. Разожгли примус, и палатка стала очеловечиваться, наполняться теплом. От мокрой одежды шел пар.

Ветер все усиливался, и палатку страшно трепало. Завалить ее не могло: Варнаков потратил много времени на установку и в креплении растяжек был уверен. Лишь бы выдержал потертый подопревший перкаль...

Костя проснулся, еще лихорадочно надеясь, что это сон — по лицу будто ножом полоснули. Пока он выбирался из спальника, то место, где была палатка, уже замело. Варнаков обхватил рукой теплый спальник с Ленькой и взвыл от ярости, путая реальность с обрывками снов.

— Я ж тебя по-человечески просил?!

Во тьме Ленька высунул голову, затрепались на ветру его вмиг поседевшие от набившегося снега волосы.

— Чо это? — пробормотал, и удивление припечаталось к его заспанному лицу, как штамп к бланку.

На ощупь кое-как оделись, вперемешку со снегом затолкали в рюкзаки спальники, мешки, снаряжение, продукты. Что не вошло,

Варнаков свалил в кучу на днище бывшей палатки, связал узлом. Не смогли найти перчатки, бесследно исчез Ленькин ботинок.

— Говорил же, положи на ночь в спальник! — ругался Варнаков. Как ребенка в мороз, обвязал голову племянника свитером. Запасные носки и свою шапочку натянул ему на ногу, обмотал куском перкаля. Ленька послушно дергался, сидя на рюкзаке.

Что делать? Куда идти? Ничего не видно в жгучей тьме. На растяжке болтался кусок перкаля с вентиляционным клапаном. Растяжка та была натянута в сторону скалы, откуда Костя страховал Леньку. Здесь, на ветру, им не продержаться и двух часов — надо было искать укрытие.

Варнаков схватил Леньку за пояс, потянул во тьму. Ориентировался по направлению ветра, выжигавшего незащищенную левую щеку. "Только бы не сбиться и дойти... Только бы не снесло лавиной... только бы... Алтай, помоги, ты же был мне другом!"

Ленька мотался сзади, держась за лямку рюкзака, кричал на ухо:

— Чо, дядь Коть? Чо орешь?

— Не тебе! — рявкнул, обернувшись, Варнаков и опять захрипел в пустоту: — Алтай, собака...

Он поскользнулся и ударился лбом о скалу. Пришли куда надо. Ленька неуклюжей куклой ежился на ветру. Варнаков сбросил с него рюкзак, втолкнул в расселину и, согнувшись, стал копать снег. Это было то самое место, где когда-то с Алтаем прятали продукты. Ленька вытер меховой рукавицей нос и тоже принялся разгребать снег.

— А чо это с палаткой? — спросил, недоумевая, толком еще не проснувшись.

— Чаво, чаво, — тяжело дыша, проворчал Варнаков. — Лопнула — не просушил вовремя, она и подопрела!

— Как воздушный шарик лопнула? — Ленька скалывал плотный фирн ледорубом, а Костя выбрасывал снег пригоршнями и крышкой от котелка.

— Как шарик! Проверенный электроникой, — пробормотал, злобно скалясь.

Углубились на метр — маловато. Выбрали из-под себя еще полметра. Варнаков уже собирался накрыть яму днищем от палатки, уже знал — спасены. Снежная пещера, примус — через минуту здесь

должно быть тепло. И тут его нога ушла в пустоту. Он попытался встать — провалился второй ногой, качнул ею и нащупал в пустоте скальную опору. Рантлюфт — пространство между ледником и скалой.

— Ленька, осторожней, — крикнул. — Достань фонарик.

Сам нырнул под снежный занос в полную тьму, чиркнул спичкой и опять высунулся, засмеялся, диковато скалясь:

— Ничего, здесь все-таки лучше, чем на ветру... Поддай-ка рюкзаки.

Луч света ослепил. К счастью, фонарик не был утерян и Ленька включил его, протолкнувшись следом за рюкзаком в рантлюфт. Здесь было удивительно тихо — видно, щель на всем протяжении основательно забило снегом, и было холодно, как в брошенном доме — справа скала, над головой и слева лед, уходящее в стороны узкое пространство вдоль стены, тянувшееся насколько хватало видимости.

— Надо хоть какую полку найти, — раздался гулкий голос Леньки. — Нараскорячку долго не просидишь.

— Только осторожней, — согласился Варнаков, сел на рюкзак, уперев ноги в ледовую стену, сунул руки под мышки и только тут почувствовал, что обморозил их. Начинало знобить в промокшей одежде.

Луч света мигнул в десяти шагах и пропал. В следующий миг, как из-под земли, раздался далекий и глухой крик.

— Ленька?! — заорал Варнаков и стал на ощупь пробираться вперед... Луч фонаря неожиданно выскочил из тьмы. — Ты чего?

— Тут пещерка, — дрогнувшим голосом сказал Ленька. — И человек в ней. Мертвый.

Пещерка была размером в три палатки, поставленные паровозиком. Луч света упал на отриконенные ботинки, на горку консервных банок. Спальный мешок с телом. Варнаков сразу узнал спальник Алтая — повел выше лучом фонаря... Он лежал на спине, но голова повернулась к плечу и длинные пряди волос закрывали лицо. Среди них кое-где чернела кожа.

— Вот где твоя последняя стоянка?! — пробормотал Варнаков и опустил на колени.

— Это Алтай, да? — допытывался Ленька.

— Алтай!

Ни другого грота, ни полки они не нашли. Пришлось перенести вещи к труп. Разожгли примус. Ленька растопил масло, из какой-то подвязки сделал фитиль. Засветила коптилка, чуть высвечивая из тьмы мертвый кокон спального мешка.

Пальцы у Варнакова отходили и пухли, а Ленька отделался на редкость легко: даже ногу не обморозил.

Варнаков вынул непослушными пальцами бронзовую пластинку и положил рядом с телом. "Мы долго искали тебя, наш милый, и никак не могли найти".

Ссохшийся отриконенный ботинок покойного был размера на два великоват Леньке, но он не мог всунуть в него ногу.

— Растопи масло и промажь, — посоветовал Варнаков.

Палатка Алтая за эти годы совсем испрела и не годилась для ночлега. Им же предстояла ночевка на Дурном. Часа через три должен был начаться рассвет. Надо было спускаться вниз. Варнаков вдруг торопливо заговорил, взяв хлеб рассказывая то ли племяннику, то ли трупу всю предысторию похода. Время от времени он шмыгал обмороженным носом, вздыхал и снова рассказывал про Ларису, про Алтая, про Массив.

Гудел примус, согревая пещерку. Надо было поставить чай и подкрепиться перед трудным переходом. Варнаков взял котелок и ледоруб — вылез из пещерки и застучал, откалывая кусочки льда для чая.

Он просунулся обратно и застал жутковатую картину. Спальник на покойном был растянут, ворот рубахи на погибшем откинут. Над трупом с серьезным взрослым лицом склонился Ленька, держа в руке коптилку.

— Ты что делаешь, сопляк? — возмутился Варнаков, готовый выдрать юнца, и в то же время с опаской поглядывая на его отчужденное лицо.

Ленька сильно вздрогнул, чуть не выронив коптилку, но не обернулся. Не спеша, застегнул спальный мешок, пробрался к гудящему примусу.

— Это у него эдельвейс на груди? — спросил.

Варнаков хмуро молчал.

— У него, — сам себе ответил Ленька. — Только ничего не видно, все черное. — Он помолчал, глядя на голубую коронку огня вокруг горелки, спросил тихо: — А ты помнишь, какой он был, этот эдельвейс?

— Как не помнить?! Я его и рисовал. Копия рисунка до сих пор где-то валяется.

Мальчишка начинал делать что-то свое, непонятное, и Варнаков это его право стал вдруг признавать именно здесь, в пещере. Сюда они шли одной дорогой. Вместе им и возвращаться. И все же... Костя чувствовал, что, возвращаясь одной дорогой, они уже идут разными путями: не чужими, но разными.

Ветер стих на рассвете. Варнаков не спешил с выходом. Они просушились, уложили рюкзаки, оделись и вылезли на поверхность. Там, где стояла палатка — даже в относительно безопасном месте, — был лавинный вынос.

— Выходит, повезло и повезло крупно! — охнул Костя, разглядывая пропаханную лавиной полосу спрессованного снега. По ней без труда двое спустились вниз и пересекли ледопад. К вечеру, еще полные сил, они выбрались на Дурной. Ночевка оказалась не такой уж страшной. Вырубили в фирне нишу, завесили ее днищем палатки и недурно переночевали. По крайней мере, Варнаков, несмотря на обморожения, спал мертвецким сном. Инициативу взял на себя младший. Он и растолкал дядьку поутру. На остатках бензина заварил чай — канистру унесла лавина.

— Ну, ты и дрыхнешь! — выговаривал возмущенно. — Храпел всю ночь...

С Дурного скатились легко, ни камня не сорвалось вслед. А ведь столько лет подряд перевал выкидывал с Варнаковым жуткие номера. На морене даже не остановились отдохнуть: сняли кошки и пошли к следующему перевалу. До обеда взяли и его.

Веревка, натянутая через реку тоже была на месте, а это значительно сокращало обратный путь. Варнаковы натянули ее покрепче. Первым ушел Ленька. Выбравшись на другой берег, вытянул на себя рюкзаки. Затем через реку переправился Константин. Не прошли они и полусотни метров, как увидели возле тропы шалаш, собранный на скорую руку. Из него торчали ноги в кроссовках.

— Чо, опять труп или утопленник?! — громко сказал Ленька, насмешливо указывая носом на кроссовки. Они шевельнулись и из шалаша, ногами вперед, вылез Семен. Он часто мигал припухшими глазами, кутался в овчинный тулуп. Ленька хохотал:

— Ну и чучело! Опять ты?

— Поджидаю вас, в нашем лагере скукотища. А что так рано? — будто старых друзей стал обнимать их Семен. — Ну и рожи у вас: обморозились, что ли?

Они до полудня просидели на берегу речки и дальше пошли втроем. Переночевав в другом месте, опять провалялись и проболтали до полудня. Варнаков уже никуда не спешил, лениво прислушивался к разговорам Семена и Леньки. Из них, из обоих слова сыпались, как горох из дырявого мешка. Они торопливо рассказывали друг другу о себе.

Как понял Константин из этих разговоров, три студента и две студентки второкурсники отдыхали после сессии под первым перевалом.

- Ленка, сам увидишь, классная телка! – захлебываясь рассказывал Семен. – На нее весь институт вместе с преподами западает. Она и к экзаменам не готовится, только улыбается нужным людям. Красивая, как кукла. А снял ее мой кент, Валерка. С виду – так себе: ни роста, ни массы, зато мозги с перебором, философ и мастер по ушам ездить. А телки ушами любят. Он и устроил наш поход, говорил: «Пусть будет две кадры и три чувака. Асимметрия – жизнь, где есть конфликты, там нет скуки.». Экспериментировал. Ну и доэкспериментировался.... Запал на Маринку.

Маринка - со школы Ленкина подруга, при фигуре, на мордашку так себе, в общем, ништяк. Возле Ленки крутятся всякие кадры, будто мухи у кучи, а она, как щука всех их под себя гребет и на зуб пробует. Это я здесь, в горах понял. Валерка думает, будто он кашу заварил с нашим походом, на самом же деле все она, Маринка!

Как-то спорили мы на сюрприз: кто больше удивит. Кинули жребий. Валерке выпало с Маринкой, Володьке с Ленкой, ну а мне, как всегда, - Семен изобразил кукиш из пальцев с грязными, потрескавшимися ногтями. - Разошлись. Потом сходимся. Володька с

Ленкой лежат на камне с голыми задами. Ничего другого от них и не ждали.

Маринка с Валеркой выходят из-за кустов в повязках из листьев. Адам и Ева. Философ с умным видом раскрыл было пасть, но ни слова не сказал и закрыть ее уже не смог, потому что Маринка стала танцевать. А он только топтался на месте и разевал рот, как карась. Она устроила такой стриптиз, что у нас, у всех, даже волосы встали дыбом. У Философа язык заклинило.

«Кранты ему!» - думаю, - Кому нужен без языка, бычок?», схватил я флягу и в город. Приволок десять литров пива. Прикинь? Чуть не на четвереньках приполз к палаткам. Валерка, как был с разинутой пастью, так и сидит, молчит и на Маринку таращится. Ленка психует, Володька лает. Мне первый приз дали! Я – супермен!

Пивка накатили, отмокли, Валерка рот закрыл, Ленка утихла. Ладно, тащимся дальше. Только мух много и коровы лезут к палаткам.

Потом приволокся сверху какой-то придурок. Мы его встретили, как люди: накормили, чай ему заварили. А он возьми и приколись под вечер.

Шляется, говорит, по горам какой-то кадр: круглый год босой, одна рваная штормовка на теле, продукты ворует у альпинистов, но, бывает, и хуже. Нет у него, будто, одной руки.

Этот кадр, который к нашему костру пришел, еще и базу подвел, будто ему сказали, а те уже слышали от очевидцев и какие-то наши общие знакомые тому свидетели. Рассказал, что вышли в горы два альпиниста и напросились на ночлег в избушку к метеорологу. Среди ночи началась буря. А один давай собираться на верхотуру, сдуру. Другой его уговаривал переждать непогоду, но не смог ни остановить, ни бросить. Вышли ночью. Тот, что не хотел идти, сорвался. Другой — не дурак лететь за ним в пропасть, — перерезал веревку. А тот, что падал, хватя его за ногу и висит. Ну а тот, у которого крыша-то съехала, отрубил ему руку.

Лежит метеоролог в своей избушке, кайфует. Вдруг вваливается знакомый альпинист, один, и говорит, что товарищ погиб. Метеоролог посмотрел на него: штаны в крови, веревка перерезана: прикинул что к чему, но молчит. Альпинист отлежался и ушел вниз, будто за спасателями. Метеоролог опять лежит — тащится. Вдруг слышит кто-то

вокруг избушки ходит. Распахивается дверь, стоит перед ним тот, что сорвался, протягивает кровавый обрубок и требует вернуть руку...

Прикинь! Этот придурок говорил все шепотом и вдруг как заорет: «Отдай руку!»

Маринка – через меня перепрыгнула и в спальник зарылась. Ленка – брык с копыт. Вовка орет, Философ воздух портит. Я – хватать топор...

Придурок за рюкзак и вниз: тропа хорошая, ночь лунная. «Вали, говорим ему, дедушка-Мазай, со своими сказками». А сами сидим потом в одной палатке, думаем: если он не врет, это что же делается там, за перевалом, в двадцатом-то веке? Это же натуральное средневековье под боком. У Валерки язык развязался, жалобно так проблеял: «Блин, с такой робинзоной импотентом станешь!»

Потом проходили еще два чудика сверху. Говорили, что бегут из-за перевала. Рассказывали про горную деву, будто видели ее, оттого и спускаются. Известное дело, кто ее встретит — тому хана.

Говорили, будто прибежала девица к их палатке у реки, давай плакаться — друг лежит на морене со сломанной ногой. Те, с дурру, и согласились помочь. Она перескочила через реку, а они сунулись в воду, чуть не утонули. Хорошо еще, вовремя скумекали, кто их ведет и куда. Бросили все — и бежать в город...

Потом возле нас стояли трое альпинистов: волчары матерые, мужики. Шли они вверх, куда-то далеко.. Мы стали им рассказывать, что слышали, про чудеса за перевалом. Они посмеялись. Потом один взял гитару, стал петь про кадра, который запал на телку, кадрил ее кадрил, а та уперлась: нет и все, подай ей любовь неземную.

И узнал где-то тот кадр, что растет в горах не простой, а королевский эдельвейс. Найдешь его – ни одна телка не устоит, все твои. Лазил он лазил по горам и нашел. Сорвал тот цветок, положил его в карман против самого сердца. Заявляется, значит, к той телке, думает, все, снял, как ни упиралась. Полез за пазуху, а цветка-то нет: он у него стал вместо сердца и на груди отпечатался, как татуировка.

Кадра с себя одежду рвет, кричит: любимый, только ты! А ему уже и не надо ничего кроме гор. Понятно, она ему вслед: подлец, обманщик, шизик, крыша съехала! А ему какая любовь: пульса и того, будто, нет. Шляется с тех пор по горам, одиночкой.

Но мужик все это красиво пел, да складно, - поправился Семен. — А Маринка так глядела на него, как на кроссовки с липучками. Но он ее обломил, будто и не заметил. Ушли альпинисты за перевал, гляжу, у нее слезы на щеках. Ну, и подколот: не по твоим, мол, зубам настоящие альпинисты! А она мне: «Ты, - говорит, - Сеня, хороший парень, только шел бы ты куда подальше и ходил бы там по своей тропинке» Короче, всех нас кинула.

На следующий день трое вышли к сельской окраине города. Впереди шел Семен в тулупе, за ним Ленька, как клоун — в разных ботинках. Чуть в стороне от дороги показались две палатки, возле них сидели полуодетые парни и девица — Семины друзья. Подходя к ним, он весело закричал:

— Эй вы, отростки от половых органов! Освободите палатку для меня и для моих лучших друзей — Белых альпинистов. По-хозяйски сбросил тулуп и стал готовить ужин.

И тут, по рассказам Леньки, из палатки вылезла «нерпа» в штанах и даже в рубахе. В руках у нее была аптечка. Хрясть она на колени перед дядей Костей и давай мазать его зеленкой. А тот, как перезрелый помидор, таранился на нее и млел. А после — хватить ее за руку и поволок в палатку. И она, как овечка, пошла за ним. Один из Семиных друзей, увидел такую борзотень, зашипел: «Хохми-хохми, — говорит, — но надо и совесть иметь: у него же (это у дядьки) грудь волосатая, как у барбоса». А «нерпа» как отвяжется на него: «На свою грудь посмотри, петух бройлерный». И в палатку, — нырк! Ну и все: конец дядьке — прощай горы и настоящая жизнь.

Все снаряжение, которое было у Варнакова при восхождении, Ленька с Сеней забрали. Сняли с него даже старенькую штормовку. Сделать это было нетрудно — Костя, как помешанный, глядел на студентку, которую увел из Сениного лагеря. Ему не терпелось поскорей отделаться от юнцов.

Отриконенный ботинок Белого альпиниста Ленька повесил на гвозде над своей тахтой. Из всех вещей это была его величайшая святыня. Экспедиция по ее возвращению планировалась через неделю.

Сеня с Ленькой сидели часами, глядя на ботинок, и сладостно обмирали, представляя то, что ждет их — свою судьбу.

Обманув родителей, они вышли через неделю. Ленька знал маршрут и не сомневался, что дойдет до грота без дядьки. На втором перевале на них обрушился ураганный ветер. Потом пошел и снег.

Ребятам пришлось вернуться. Ботинок Белого альпиниста повис на том же гвозде, теперь уже на всю зиму. Запах кожи и железа невидимым облачком витал по комнате, вселяя веру, что бесконечная зима кончится, а после школы очень даже можно жить не так, как жили восемь этажей Ленькиного подъезда. Сеня вздыхал — по какой-то новой программе могли призвать в армию студента не отчисленного из института. Но зато потом и всю жизнь... Он тоже знал, как жить.

* * *

Этой осенью был день, когда все мои знакомые, так или иначе связанные с Массивом, пусть ненадолго, но обрели в жизни ясность и покой. Так мне казалось. Как было не завидовать им? Я остался ни с чем и наконец-то набрался смелости признаться, что принимал участие в их судьбах вовсе не для диссертации. Варнаков — моя последняя надежда — ускользал навсегда, оставляя меня один на один с тем, от чего он сумел избавиться сам.

А что было-то? Обычный весенний день, обычный час пик. Тринадцатилетний мальчишка перебежал оживленную улицу и попал меж несущихся навстречу друг другу трамваев. Был мужик, высокий и крепкий, отшвырнувший его из-под колес. Был скрежет тормозов и запах оплавленного железа. Был ручей парящей крови на асфальте, белая кость, торчащая из кирзового сапога. И паническое бегство: не от расплаты, от страха.

Было грустно. Впрочем, в логическую цепь событий не вписывалась одна деталь: Ленька, рассказывая мне о маршруте с дядькой, как-то вскользь, насмешливо, но, в последний раз упомянул, что Костя в гроте плакал и лобызал старые, вздувшиеся консервы.

Рассказ Варнакова-младшего я тогда не принял всерьез, добродушно не веря, как обычно не верят простые люди людям счастливым. И все же, почему Варнаков так радовался, увидев рядом с покойным продукты?

Я позвонил ему. К телефону подошла мать и сухо ответила, что Константин с женой переехали на квартиру без удобств. Было воскресенье. Пришлось переждать долгую нудную ночь. Утром я позвонил ему на работу.

Мы встретились в сквере, замусоренном после разгульного лета. В голых кронах тополей суетились воробьи, поблекшая листва опускалась на дно луж.

Глаза Варнакова были по-осеннему спокойны, а в его молодежной спортивной одежде чувствовалась заботливая рука юной жены. Трудно было представить, как он живет, хотя у меня были все основания предполагать, что семейная жизнь весьма бесцеремонно трет его своими суровыми швами.

— Хорошо живу! Лучше всех! — улыбаясь, сказал он, опередив мои расспросы.

Я сел на спинку тяжелого чугунного сиденья и достал сигареты. Он потянулся к пачке.

— Ведь ты не курил?

— Да вот, сорвался, — поморщился приятель.

— Что-нибудь с Маринкой?

— По твоей части полный порядок! — улыбнулся Варнаков, стынувшими глазами уставившись на влажную землю под ногами. — Эгоцентризма у женщин... М-м-м! — замычал, как от зубной боли. — Говорит, что любит, а относится... Я с врагами деликатней себя веду! — Он втянул шею в ворот куртки. — Да уж, два разных человека, два разных мира впрягаются в одну упряжку и должны уподобиться друг другу... Кто придумал эдакую бессмыслицу? — Варнаков тряхнул головой. — Ну, да это тебе не интересно. Тебе нужен Массив?! Говорю честно и откровенно — ничего не чувствую, и вспоминается вся эта история так, будто все это было в прошлом веке.

— Извини еще раз за назойливость, — начал я, смущенный. — Сам понимаешь, благодаря тебе я на грани великого научного открытия. Способность сознания создавать идею божества... И оживлять материю, одухотворяя...

— Слышал! — нетерпеливо перебил он меня. — Короче!

— В тот год, когда погиб Алтай, ты был на Массиве дважды?

Он кивнул, ничуть не смутившись:

— Да! Как дозвонился своей филологине, так и побежал следом за Алтаем.

— Почему же столько лет ты скрывал это?

Варнаков пожал плечами, задумался, попыхивая сигаретой:

— Сначала боялся: мало ли что могли подумать наши друзья и его родственники. А потом... Потом и сам поверил, что никуда я не ходил второй раз. Приснилось, что залез в одиночку на Дурной, что на Массиве накрыло лавиной, утерял рюкзак, что из нашей записки забрал продукты, на которые Алтай рассчитывал, что полз в город на четвереньках в соплях и в слезах, причитал в голос: "Господи! Если ты есть и поможешь мне вернуться живым — никогда больше в горы не пойду!" И сейчас было бы стыдно встретиться с теми туристами, что подобрали меня. А тогда тем более...

— Так какого ж ..? — сорвался я. — Столько лет на тебя убил...

— Так прямо ты со мной только и возился?! — усмехнулся Варнаков.

Он был прав — разве в нем дело? — за все это время мы не провели вместе и недели. Но если бы знать о втором восхождении тогда? Впрочем, что тогда? "Эдуард Калистратович" в таких случаях не помощник, а значит, было бы то же самое.

— Не подумай, что я тебе лгал, — бросил окурок в урну Варнаков. — Но сейчас, по спокойному разумению, мне все представляется иначе: труп нашли случайно. Галлюцинации? Может быть, их не было — ты сам говорил, что у меня сильна ассоциативная память и воображение приличное... Мне уже кажется, что и Массива-то нет — есть обычная горная возвышенность: ледник, скалы.

— Помнишь, говорил, что волосы Алтая изменили цвет? На какие-то экстрасенсорные явления намекал?

— Показалось, наверно. Я же потом, через год, все это вспомнил, а тогда и не приглядывался... Насчет отклонений — мало ли чудиков в городе ходят босиком по снегу?! Всему можно найти самоеординарное объяснение, — отмахнулся он. — Разве что... Ты в бильярд играешь, — оживился вдруг Варнаков. — А я начал. В обеденный перерыв. И вот какие мысли приходят в голову: некто — кий, обозначим его через "С" — судьба, загоняет шар "А" в лузу — так называемый свояк. Шар этот должен прийти к цели, соприкоснувшись с другим шаром "В" —

карамболь! Иная комбинация: "С" бьет по "В", "В" бьет по "А" и загоняет в лузу чужака. Чувствуешь разницу?

— Не очень! — внутренне содрогнувшись, пожал я плечами.

— Знаю, о чем подумал, — встал Костя. — Не было бы шара "Варнакова", "Алтай" не попал бы в лузу?! Так вот, чтобы понять, что такое "карамболь" не на сукне, а на скально-ледовой высоте, нужно побывать на Массиве. В этом, пожалуй, что-то есть.

— В психоанализе это называется проще: комплекс вины, — сказал я прощаясь. Варнаков жил уже в другом, недостижимом для меня мире.

В следующий раз мы встретились только ранней весной. На обочинах дорог еще чернел лед, и тяжелый смог, напитавшись туманом, стелился по улицам. В магазинах не было картошки, и я после работы поехал на Центральный рынок. День был будничным, но базар переполнен пестрой толпой.

Я шел вдоль кооперативного ряда сеток и чуть не споткнулся о широкую спину в старой телогрейке. Отскочил, едва не опрокинув штабель из пустых ящиков, спрятался. Это опять был он: несчастный обрубок, который никак не покидала жизнь.

Будто специально он развернулся вместе с тележкой ко мне лицом, задрал рубаху. Его живот был исполосован шрамами, над грязным пупом торчала пластмассовая трубка. Он сунул в нее грязную воронку и слил треть бутылки дешевого вина.

— Все экспериментируешь?! — тяжелая ладонь легла на мое плечо. От неожиданности я выскочил из-за штабеля, обернулся. Варнаков, с Маринкой под руку, хохотал нудно и противно, как дребезжащий сигнал трамвая. Улыбалась Маринка — ослепительно накрашенная, с пышной копной волос.

Вот же угораздило встретить их именно сейчас. Я растерянно зыркал по сторонам, желая спрятаться от инвалида. Но он уже заметил меня и уставился мутными глазами.

— Приходите к нам в гости! — повисая на мужниной руке, сказала Маринка.

За спиной загремели подшипники. Инвалид по-свойски хлопнул меня по колену, безголосо прошлепал губами:

— Надо бы заплатить молодым людям за ноженки, оставленные под Курском.

— Плыви отсюда, фронтовичек липовый! — беззлобно ругнулся Варнаков.

Инвалид щадил меня — он даже не взглянул в сторону супружеской четы и смотрел снизу, по-песьи, задрав голову.

Я вынул из кармана единственную купюру. Он виртуозно выхватил ее из моих пальцев, резко развернул тело с пристегнутой тележкой и покатился среди снующих ног.

— Ты что? — вытаращил глаза Варнаков. — Ведь он такой же фронтовик, как я музыкант. Ему ж и пятидесяти нет...

Я дернул головой, не глядя на них, пробормотал:

— Дела, извините!

Варнаков тоже смешался, задерживая мою руку в своей ладони. А я этого не терплю.

— Ленька какую-то надпись на ботинке нашел. Если тебя заинтересует, позвони ему.

— На каком ботинке? — не понял я, стряхивая его руку.

— Помнишь «трикач» алтаевский, в котором он вернулся с Массива?

Я кивнул и зашагал домой, обходя заплыванные холодные лужи.

Ленька открыл дверь.

— А, Шаман, который работает сексопатологом, — рассмеялся, здороваясь.

Лоснящийся от крема ботинок висел на стене.

— Раньше внимания не обращали, — снимая его, говорил Ленька. — А после Нового года с Сеней стали смотреть, и вот. — Он отогнул кожу на том месте, где она должна перехватывать щиколотку: — Видите, слово "вход" и дальше что-то написано, но не разобрать.

Я не спеша, протер линзу носовым платком. Чуть подрагивали от волнения пальцы. Подошел к окну, долго и внимательно разглядывал надпись. Скорее всего, это был производственный штамп. Первая "буква" напоминала очертаниями цифру три, затем римская десятка, ноль и еще часть контура не то четверки, не то семерки, принятых Ленькой за букву "д".

— По количеству знаков, похоже, было написано: "вход здесь, но..." — не удержался и подсказал младший Варнаков, сверкая глазами.

Я не стал его переубеждать, только заметил про себя, что, если долго всматриваться в эту тисненную по коже строку, начинает казаться, будто здесь действительно полустертая фраза.

— На Массив собираетесь? — вернул я ботинок.

— В конце мая, перед экзаменами. У Сени тоже будет свободная неделя.

— Возьмете меня?!

— Возьмем!

— Вы в пещере ничего не трогали?

— Все как было, так и есть. Только ботинок забрали.

* * *

Под перевалом Дурным я почувствовал — дела мои совсем плохи. Хотелось упасть и лежать не двигаясь. На привале я с трудом проглотил кашу, подумал, что если бы шел на пару с Костей, а не с этими мальчишками, остался бы здесь и ждал его. Какого черта поперся? Ну, лежит там труп. Мне-то что? Ну, дойдем... Зачем?

На Дурном, куда меня выволокли на веревке, стало еще муторней, но отсюда было уже недалеко до цели. Когда начали спускаться вниз — полегчало. А мальчикам хоть бы что: шагают и шагают. Я вытащил из рюкзака сигареты и швырнул их в трещину. Подумал, если выберусь живым — никогда больше не прикаснусь к этой мерзости!

В тот же день группа мы дошли до места. Погода стояла хорошая. Сеня с Ленькой поставили палатку, сварили ужин. До вечера еще оставалось время.

Перед бивуачной работой Ленька переоделся в сухое белье, и я успел заметить на его груди синий эдельвейс. Не сомневаясь, что у Сени есть то же самое, подумал: "Эх, ребята, от символа до действия так далеко, что некоторым не хватает жизни пройти это расстояние".

Рантлюфт даже не пришлось расчищать — снег стаял и он обнажился. Чуть расширили трещину ледорубами и спустились вниз. У Сени дрожали руки, заикаясь, он говорил о каких-то пустяках и не мог остановиться. Его страх придал мне сил и уверенности.

Посвечивая фонариками, мы влезли в грот. Тело в спальном мешке лежало в самом конце пещерки, рядом был примус, чуть подальше горка заржавленных консервных банок. Трупного запаха не было — тело среди гранитов высохло. Возле головы — пластинка. На ней гравировка.

Ленька вытащил из-за пазухи отриконенный ботинок и поставил его рядом со вторым, усохшим. Я повел лучом фонарика по своду — что это?

На уровне ног, где стояли ботинки погибшего, из скалы торчали проушины двух скальных крючьев. Видимо, Алтай завешивал пещерку палаткой. Скомканная и полуистлевшая, она лежала у его ног.

"Вход здесь, но..." Хотелось верить, что на ботинке был не ряд цифр, а надпись. Но если в городе эта высосанная из пальца фраза таила в себе хотя бы надежду на неразгаданный смысл, то здесь, в "склепе", она казалась безнадежно нелепой. Я понял это по лицам своих спутников. Не сговариваясь, мы вылезли наверх. Молча посидели в палатке. Каждый думал о своем. Слабость отпускала, но все равно голова была тяжелой. И мысли, медлительные, будто загустевшие, едва оформлялись в ней.

Я вспоминал рассказы Варнакова: как ему удавалось заставлять память воспроизводить прошлое с мельчайшими подробностями? Опять же ассоциативность — свойство памяти Варнакова, а не моей. И все же...

— Вы завтра собираетесь на восхождение? — спросил я ребяташек. Те молча закивали. — Но мне наверх не надо. Вот что сделаем... Я переночую в пещере.

— Тогда уж все вместе, — неуверенно возразил Ленька.

— Нет! Хочу, чтобы все было как у него.

— Шаман знает, что делает! — подмигнул Сеня. Ребята окрестили меня этой кличкой еще в городе при подготовке к маршруту. Ленька зевнул:

— Как хочешь. Надоест сидеть — возвращайся. Я засунул в рюкзак спальный мешок, кусок полиэтилена. Подумал, потряхнул почти под завязку наполненный бензином примус.

— Э-э! Как нам без чая? — заворчал Ленька. — Утром рано вставать.

— К четверем я вернусь. А если проспю — крикните. Рядом ведь.

Ленька, недовольный, засопел:

— Это ж утром по холодрыге одеваться и тащиться к скале, — возмутился и тут же сдался: — Ладно, забирай!

Освещая путь, я вполз в грот и втянул за собой легкий рюкзак. Осмотревшись, оттащил к выходу удивительно легкий труп, завесил часть грота полиэтиленом, привязав его к старым скальным крючьям, торчащим из свода. Заурчал в темноте разожженный примус.

На то место, где лежало тело, я бросил спальный мешок, снял ботинки, одолженные у старшего Варнакова, лег и погасил фонарь.

Под боком работал примус. Его сине-розовая корона чуть освещала пространство, где когда-то в одиночестве умирал человек. Прошел час, может быть, больше. Я лежал и старался думать об Алтае, о его последних минутах. Но в голову лезли всякие глупости, вспоминался город.

Казалось, я не проспал и часа. Резкий запах спичечной головки ударил в нос. Розовой желтизной осветился занавес. Лохматый человеческий профиль мелькнул на нем, и чья-то рука зашуршала полиэтиленом. Я включил электрический фонарик и в первый миг подумал, что это Ленька пробирается ко мне с горящей спичкой. Голова прикрылась плечом от яркого света, и незнакомый женский голос попросил:

— Не свети в глаза!

Я отвел в сторону фонарь и вылез из спального мешка.

— Друзья попали в переделку, а ты спишь!

Мне вдруг стало немного не по себе.

— Какие друзья? — чуть заикаясь, спросил я. — Ленька с Сеней?

— Наверно, они! Застряли на стене. Увидели меня, кричали... Объяснили, как тебя найти. Им нужна веревка.

Я потрянул головой: что за чертовщина? Посмотрел на часы.

— Какая стена? Всего пять часов?!

— Пять пополудни, — усмехнулась она.

Я стал натягивать варнаковы ботинки, лихорадочно соображая: про то, что веревка есть в гроте, знали только четверо — один в городе, двое на восхождении и я. Сказать об этом могли только они — логично. Группа ушла на восхождение, оставив в штурмовом лагере женщину. Она встретила моих мальчишек — логично.

Женщина уже поползла к выходу из грота. Я, одевшись, вылез из-за своей занавески, наклонился над телом, возле которого лежала веревка: старая и полуистлевшая. И тут меня осенило: Алтай был пятым, кто знал о ней. Почему гостья сделала вид, что не заметила труп? А если заметила, почему ничего не спросила и не удивилась?

Солнце светило так, что от снега шел жар. Обвисшая палатка парусила на слабом ветерке. Возле нее был воткнут в снег мой ледоруб. Я пристегнул его хлястик к запястью и, едва привыкли к солнцу глаза, внимательно рассмотрел женщину. Лицо ее было обветрено, седая прядь волос змеилась от виска к уху. Впрочем, некоторые сейчас так красятся. И вряд ли ей было больше тридцати.

Заметив мой пристальный взгляд, она опустила на глаза солнцезащитные очки и пошла вверх по склону между ледопадом и скалами.

Я думал: "Грот моя высшая точка, и дальше будет только возвращение". Но вот пришлось подниматься в незнакомый и опасный мир за проводником, которому ни на копейку не верил и плелся, как пес на живодерню следом за хозяином.

Ближе к скалам идти было легче, но альпинистка упрямо держалась в стороне от них, показывая вверх рукой, предупреждая о камнепаде, она не хотела, чтобы я шел своим путем. Но меня пугал ледник и трещины внизу.

Солнечные лучи и ослепительно белый снег даже сквозь очки резали глаза. Но все равно я заметил какой-то блеск сбоку на скале. Остановился, сделал несколько шагов вверх по склону. На граните была закреплена металлическая пластинка с гравировкой, в пятнадцати шагах от нее — другая, еще одна. Я очутился на альпинистском кладбище. Незнакомка махала мне снизу рукой. Надо было спускаться. Но тут на скальном выступе появилась странная тень. Я шагнул вперед — показалась голова, в профиль ко мне.

Как извещала путников надпись на камне, это был бюст погибшего скалолаза. Его закрепили в небольшой нише почти на уровне человеческого роста от кромки снега. Широкий и короткий обрубок тела, большая лобастая голова, глубокие темные отверстия вместо зрачков, на тяжелых губах кривилась усмешка.

Дребезжание и скрежет железа раздались за моей спиной. Я прыгнул к скале, еле удержавшись на снежном склоне, обернулся. Далеко вверху всего лишь сошла лавина.

Я шагнул в сторону, сердце и так трепыхалось в груди и вдруг оно забилося еще чаще: мне показалось, что бюст развернулся всем своим обрубок, а каменная челюсть простучала, как пестик в ступу:

"Черный альпинист любит жизнь!"

Я обернулся. Бюст действительно был развернут в нише и опять буравил меня черными дырами глаз. Я сделал испуганный шаг назад, в пустоту. Упал. Меня понесло вниз по склону, к альпинистке, которая, устав окликать, прибавила шагу. Зарубившись ледорубом, я вскочил на ноги. Задыхаясь от быстрой ходьбы, стал подниматься по ее следам, но с каждой минутой все больше отставал. Она была уже метров за триста от меня, когда показался каменный купол хребта, а возле него, как ни в чем не бывало, сидели на рюкзаках Ленька с Сеней.

Не успел я обрадоваться, что не надо лезть на стену, как моя альпинистка стала забирать в сторону от прямой линии между мной и ребятами. Ленька с Сеней вскочили, закричали, размахивая руками. Но было поздно: только снежная пыль взметнулась там, где шла женщина.

Мы бросились туда и осторожно подошли к острому сколу огромного фирнового пласта. Рухнул карниз. А под ним на зернистом как рис снегу фирновый пласт — сошедшая «доска», о которой предупреждали мальчишки. Сеня сорвал защитные очки вместе с шерстяной шапочкой, жесткие мокрые волосы топорщились во все стороны, рот его был разинут.

— Смотри, смотри! — указал дрожащим пальцем. — Что-то оранжевое. Может, он живой?!

— Откуда вы взялись? — схватил меня за рукав Ленька. — Ведь договаривались — ты ждешь возле палатки.

Я напрасно шарил в карманах, разыскивая сигареты.

— Шаман, — тряс меня за локоть Ленька. — Замкнуло, что ли? Кто это был?

— Горная дева! — ответил я, холодея от догадки и абсурда всего происходящего.

Юнцы вытаращили глаза, разглядывая меня. Ленька нервно сглотнул слюну, хрипло пролепетал:

— Ты чо?

В этом месте хребет был ровен и гладок от зализанных ветром, утрамбованных сугробов. Он чуть изгибался дугой метров на сто к югу, а там вздымался из снега скальный купол. За ним хребет щетинился иглами и жандармами. Сеня обернулся в ту сторону, пробормотал:

— Ну ни фига себе?! — И закричал: — Эй ты, чмо...

Кто-то простоволосый, с ледорубом, болтающимся на правой руке, ощупывал их рюкзаки. Не обернувшись на крики, он взвалил один из них на плечо и стал обходить купол.

Крича, мальчишки бросились за ним. Когда я приплелся к тому месту, где были оставлены рюкзаки, они уже возвращались мне навстречу.

— Мы бы этого придурка только так уделали, — ругался Сеня.

— Пусть подавится нашими продуктами, главное, кузня и веревка здесь, — успокаивал его Ленька, хлопая ладонью по оставшемуся рюкзаку... — Шаман, надо спускаться к твоему попутчику!

— Вы не поняли меня! — закричал я. — Кого спасти? Фантом? Нас же пытаются уничтожить. Продукты спасти надо — иначе крышка! — Я кричал в пустоту. Даже Сеня, ругавшийся секунду назад, смотрел на меня непроницаемыми глазами. Они не верили мне.

Я сплюнул под ноги, проваливаясь в снег, обошел их, и бросился к тому месту, куда сбежал с нашим рюкзаком неизвестный. Возле купола обернулся — Сеня с Ленькой торопливо шагали к сколу рухнувшего карниза. Убеждать или спорить было некогда: наша жизнь, наше возвращение и рюкзак — все было завязано в один узел.

Глубокий след вора вывел к скале, и тут я увидел на заструге отчетливые отпечатки босых ног. "Без продуктов — крышка!" — подстегивал себя, делал шаг за шагом на ватных ногах, каждой своей клеткой страшась встречи.

И вдруг я увидел капли крови на снегу — он поранил ступню об острые камни. Его слабость стала моей яростью, а ярость превращалась в силу. В горле у меня заклокотало. По заледеневшей скале я проскочил над пропастью, даже не глянув вниз. Там, где по фирному склону он спустился к следующему жандарму, опираясь на ледоруб, я просто скатился вниз, глиссируя на прочных ботинках. И я увидел его.

Он воровато оглянулся и понял, что не уйти. Скинул рюкзак; поставив его на самом краю пропасти, распрямился: правая рука с ледорубом на отлете. Его лицо и губы были сплошной коростой, лохмотья штормового костюма висели на худом и жилистом теле зверя. Он кинулся вперед и нанес страшный удар, целясь клювиком ледоруба мне в голову. Я отбил его, но страх вошел в меня, как нож в масло, остудил ярость, обессилил тело.

Пискнув, я лягнул его тяжелым ботинком в грудь, и он пошатнулся, отступил. Я почувствовал, что если упущу этот миг — мне несдобровать. Наотмашь ударил раз, другой, третий, как и он, целясь в голову, в левый бок. Слабея, он отбивал удары, а я наливался новой силой.

И тут, отбив очередной удар, он затравленно отскочил к злополучному рюкзаку, ударил по нему босой пяткой, сталкивая в пропасть. Рюкзак уже завис в воздухе, но ступня противника оказалась захлестнутой петлей плечевой лямки. Оборванец качнулся и с воплем полетел вниз.

Задыхаясь, я подполз на животе к краю пропасти. Уже в воздухе он освободился от рюкзака, упал на очень крутой снежный склон, пробороzdил его, спустив за собой небольшую лавину, и теперь его тело темнело среди снежного вала. Рюкзак упал ближе, на скалу, мячиком отскочил от нее, лопнув по шву, и крутился в воздухе, выплевывая консервы, пакеты, булки. Я ткнулся горячим лицом в снег — крышка!

Темным пятном полупустой рюкзак лежал на склоне, вокруг него, как выпущенный заряд дроби, крап разлетевшихся продуктов. Кое-что все-таки можно было собрать. Я осмотрелся, где можно сойти вниз, и только тут сообразил, что веревка из пещеры висит на мне. Не доверяя ей, но все равно чувствуя ее спасительную опору, я спустился вниз.

В рюкзаке остался спальный мешок да в боковом кармане сохранился пакет с карамельками. Консервы и хлеб удалось собрать. Уцелели кое-какие брикеты. Но макароны, сахар был рассеяны по всему склону. Я затолкал продукты в спальный мешок, а его — в лопнувший рюкзак. До палатки отсюда было не так уж далеко. Но — солнце уже садилось, а сумерки в горах недолги.

Я взял чуть выше, ступил на жесткий след лавины, спущенной оборванцем. Шагах в двадцати от меня он застонал и выбрался из снега.

Короста на губе была сорвана, и кровь текла по подбородку прямо на открытую грудь. Шатаясь и волоча за собой ледоруб, он стал спускаться вниз.

К лагерю я вышел уже в темноте. Сил не было лезть в пещеру за примусом. Я сунул в рот карамельку, сбросил варнаковы ботинки, которые были почти сухими, кряхтя влез в Ленкин спальник и вытянулся, даже не застегнув вход в палатку. Только тут вспомнил о мальчишках. Где они? Что с ними?

Что бы ни случилось, до рассвета этого не узнать и помочь им невозможно. Я перевернулся на бок в стылой палатке и провалился в глубокий сон, а когда открыл глаза, чувствуя себя отдохнувшим, уже рассветало. В сумраке у полога сидела моя вчерашняя альпинистка и как ни в чем не бывало чесала гребнем пышную волну волос с седой прядью.

Гудел примус, тот самый, что был оставлен в пещере, на нем стоял котелок с водой, рядом отриконенные ботинки — один ссохшийся, другой лоснящийся от крема. И я понял, что ждет меня. Это был мой день.

— Зачем башмаки у покойника забрала? — спросил ее, кривя губы.

— Твои украли! — ответила она, укладывая волосы в прическу. И, взглянув на меня, добавила: — Тот парень, которого ты вчера сбросил с хребта! Вокруг палатки все было истоптано босыми ногами.

— Понятно! — вздохнул я. — Значит и мне выпала честь продолжить след Белого альпиниста до "голубого саркофага?!"

Вместо ответа она улыбнулась одними глазами: женственными и милосердными. Теперь я знал ее настоящее имя: странно, что люди олицетворяют смерть с затхлостью морга. Хотелось задать ей несколько вопросов, но на каждый из них я уже знал ответ, а потому не стал спрашивать ни о вчерашнем, ни о сегодняшнем дне: все равно придется идти!

— Ребята застряли на той стороне хребта?! — спросил я.

— Сидят на скале, как два птенчика, — подхватила она, — голодные. Если им передать скальные крючья да немного продуктов — они спустятся вниз.

"Без меня!" — захотелось съязвить мне. Но вместо этого я растопил на примусе полпачки маргарина, оставленного мальчишками в палатке, и промазал ссохшийся ботинок.

Через полчаса, я уложил в рюкзак палатку, примус, спальник, продукты, закрепил под клапаном старую веревку. Надо было спуститься в пещерку и выдернуть два скальных крюка. Но она остановила меня, протянув те самые ржавые крючья с большими проушинами.

Я сунул их в карман, взвалил на себя рюкзак и, не прощаясь с ней, не оглядываясь, стал подниматься вверх по вчерашнему своему следу. Остановился только возле бюста погибшего скалолаза.

— Белый альпинист любит смерть! — сказал, глядя в его каменные глаза. Протянул руку, слегка толкнул бюст в короткое обрубленное плечо. Скрипнув металлическим стержнем, соединяющим каменное тело со скалой, бюст отвернулся от меня. Сбоку он выглядел даже смущенным.

Я поднялся на хребет. Там, где был скол рухнувшего карниза, Ленька с Сеней прорубили спуск и очистили от снега скальный выступ, через который пропускали веревку. Я свесился вниз и увидел их метрах в двадцати пяти. Свистнул, они задрали головы на тонких мальчишеских шеях. И сразу стало легко, будто пропал груз, давивший с утра: стоило жить, чтобы видеть глаза людей, к которым приходишь на помощь. К тому же я понял, что Она дала мне шанс уйти.

— Белый альпинист появляется тогда, когда уходит надежда! — крикнул снизу Сеня.

Я привязал рюкзак к концу веревки и стал спускать его. "Нет, — бормотал, — я не буду испытывать старую сопревшую веревку: к ней привяжут новую, я подниму ее и спущусь к ним... А почему бы не попробовать вытянуть мальчишек наверх? Тогда зачем я спускаю рюкзак?" — Мысли лихорадочно мельтешили в голове, и я опять делал не то, что надо. Рюкзак зацепился за выступ метрах в пяти над ними. Ленька уже стал карабкаться по стене. Я выпустил слабинку веревки и подпернул ее на себя. Рюкзак сорвался, веревка напряглась, вытянулась и лопнула в трех метрах ниже меня. Сеня, как вратарь в мяч, вцепился в упавший на полку рюкзак и удержал его.

Вот и все! Истекла моя миссия на Массиве. Наверно, возле пещеры ждет Горная девица, заварившая всю эту историю. Я искал в себе ненависть к ней и не находил.

— Шаман! — закричал снизу Ленька и вытер рукавом мокрый нос. — Хоть какие продукты у тебя есть?

Я кивнул, успокаивая их, хотя в кармане не было даже карамельки.

— Все равно жди нас в пещере, не ходи один к Дурному! Мы придем, может быть, уже завтра!

"Надо быть птицей, чтобы вернуться через сутки, — подумал я. — И даже птица обещать этого не может, потому что и она зависит от погоды".

Я выдернул из скалы последний крюк, привязал его к обрывку веревки, сбросил на полку и махнул им рукой — порядок! Теперь можно было не спеша осмотреться. Над голубой дымкой горизонта поднималось солнце. Было всего лишь утро. Куда деть оставшуюся уйму времени? Куда приведет след Белого альпиниста?

Я спустился к кладбищу: магнитом тянул к себе странный, подвижный бюст. Что-то важное складывалось в голове из впечатлений последних дней. Этот неожиданный и резкий поворот, напоминающий встречи с тем, кому, возможно, обязан жизнью.

Мне оставалось несколько шагов до него, когда за спиной загрохотало — где-то сходила лавина. Скрежет и гул усиливались. Скала подо мной задрожала. Ноги скользнули по склону. Падая на бок, я зарубился ледорубом, как учили мальчишки. Но его древко переломилось как раз в том месте, где был стопор для кольца, крепившегося к ремешку на моем запястье. Скатываясь в пропасть и набирая скорость, я с ужасом всем телом обернулся к лавине — гор не было — по асфальту, борт к борту, на меня мчалась плотная шеренга автомобилей, по рельсам шел трамвай. Я перепрыгнул на другое полотно, не оглянувшись в противоположную сторону... Но на этот раз я впервые отчетливо увидел краснорожего мужика с тяжелой челюстью. Не видя меня, он скакнул навстречу и, вдруг оторвавшись от земли, ударил меня, пытаясь на лету найти опору в моем легком мальчишеском тельце. Но он всего лишь отбросил меня в единственно безопасное место, и я прилип к бетонному столбу между путей.

Сначала была только пульсирующая боль в голове. Потом свет иглами впился в глаза и я почувствовал, как текут по щекам слезы. Кто-то тер снегом мое лицо.

— Живой, отойдет! — слышался Сенин голос. И опять, будто целуя взасос, он припал губами к моему рту и вдул в грудь тяжелый воздух.

— Если б опоздали? — простонал Ленька. — На каких-то пять минут...

Голова раскалывалась, будто в мозги вбили раскаленный гвоздь. Вырывая его с плотью, я оттолкнулся руками от снега и сел. Заливаясь слезами, открыл воспаленные глаза.

Отворачивая лобастую голову, Сеня сказал, будто ставил диагноз обреченному:

— Ты уснул с работающим примусом и угорел.

Значит, все — бред? Но что за лица у мальчишек? Они явно знают то, чего не знаю и никогда не узнаю я... Хотя все это уже не важно. В раскалывающейся голове звучал насмешливый и бодрый голос старшего Варнакова, на разные лады повторяющий глупое, как вихляние задом в танце, и жесткое, как скрежет железа, слово: "Карамболь!"

— Ты уснул с работающим примусом и угорел! — упрямо повторил Сеня, а Ленька виновато улыбнулся:

— Повезло! Опоздай мы на пять минут — кранты!

Я приподнял правую руку и скосил на нее глаза — на запястье болтался ремешок с кольцом от переломившегося ледоруба. Боясь сделать лишнее движение, я опустил голову и увидел на своих ногах отриконенные ботинки погибшего альпиниста: один ссохшийся, другой лоснящийся от смазки... Но это все уже ничего не значило: меня занимало только одно слово, лучом в ночи высвечивающее всю мою прежнюю жизнь — "Ка-рам-боль!"